

Платим по счетам. Часть первая

Шохрат Романов

2024-01-15

Contents

Пролог

С высоты седьмого этажа, через окно с выбитой рамой он с удовлетворением следил за тем, как уходили его товарищи. Правда, пятерых из них уже нет. Но зато американцев полегло раз в десять больше. Они и сейчас валяются в коридорах, в номерах, в баре, на кухне, на крыше, в саду...

Перед отелем дымно чадили два сожженных танка. Их подожгли прежде, чем они успели занять удобную позицию и расстрелять великолепное здание из своих тяжелых пушек.

Зияли черными провалами шахты взорванных лифтов – по ним спецназ пытался подняться наверх. Кучки изуродованных, обожженных тел лежат в коридорах и у дверей номеров там, где ребята Фалиха расставляли растяжки и мины-ловушки. В некоторых местах и сейчас еще поблескивает проволока, растянутая поперек коридора. Значит, ни американцы, ни местные полицейские сюда так и не добрались...

Он спустился двумя этажами ниже, вышел на балкон. Отсюда открывался замечательный вид на залив, но впечатление портили силуэты кораблей и струйки дыма как бы стекающего по стенам здания, прибываемого ветром, не дающим черным змейкам подниматься над крышей, где догорали сейчас два вертолета...

Он насторожился и щелкнул предохранителем – за спиной послышались легкие шаги, приглушаемые мягким ковролином.

Он уже собирался прыгнуть в сторону и навскидку прошить очередь неизвестного, но в это время две руки нежно обняли его сзади за плечи. Это была она. Снова она.

-Вам чего? – грубо спросил он, отводя её руки.

-Это ты... - она улыбалась счастливо и загадочно. - А я тебя сразу и не узнала...

-Вы о чем? - он рывком освободился и поставил автомат на предохранитель.

-Это же ты... Ты...

-Почему вы не уехали со всеми? - сурово спросил он. - Все ваши коллеги...

-Прекрати! - Очевидно, по старой привычке потребовала она, и в голосе её зазвучали знакомые приказные нотки. Она, видимо, все еще считала неограниченной свою власть над ним, хотя и прошло столько времени.

-Мне некогда, - сказал он, поднимая голову и прислушиваясь - где-то невдалеке слышался стрекот приближающихся вертолетов. - Советую немедленно отправляться домой, сейчас это здание превратят в развалины...

Он отстранил её и быстро пошел по коридору. Потом остановился. Обернулся. И мягко повторил:

-Иди домой, я очень тебя прошу...

И ушел.

Часть первая

1

-Уходи, видеть тебя не могу! Это все из-за тебя! Из-за тебя! Из-за тебя! - она кричала, тряся головой с растрепанными волосами, в которые набилась пыль и кирпичная крошка. А матовое лицо покрылось алыми пятнами.

Они стояли посреди руин, бывших некогда прекрасным особняком, в котором жила её семья. От трехэтажного дома, огромного сада с бассейном, фонтанами, беседками и цветниками остались лишь большие чугунные ворота и притулившаяся к ним будка охраны - как-никак, а ее отец был начальником таможни порта, - фигура более чем значимая для провинциального города.

Когда начался налет, заставший их прямо на улице, он почти силой затащил ее в убежище - в суматохе легко угодить не только под ракету или бомбу, но и под осколки зенитных снарядов, густо рвущихся в высоком небе, гораздо

ниже плывущей над городом армады самолетов. А когда налет закончился и они прибежали к ее дому, то увидели только развалины – дымящиеся, безлюдные...

Она металась, звала отца, мать, сестер... Потом, словно опомнившись, возвращалась к нему и кричала в лицо бессвязные гневные слова полные боли и отчаяния. Он молчал. И только две собаки, которых боялся весь квартал, неизвестно как уцелевшие, жалобно поскуливая и поджав хвосты, отвечали на голос хозяйки слабым повизгиванием.

-Уходи, видеть тебя не могу! Если бы не ты... Если бы не ты... Трус!!

Услышав эти слова, побледнев как мел, он круто развернулся и пошел прочь. А вокруг пылали пожары, и люди выносили из развалин изувеченные, раздавленные тела женщин и детей... И плакали над погибшими, обращая пыльные, со следами копоти и сажи лица к небу.

Его дом был совсем рядом. И он, словно подстегнутый зрелищем этого, невиданного доселе горя, припустился со всех ног, но, пробежав два квартала, в растерянности остановился.

Вот дом соседа – Хашима – заброшенный и пустой. Хозяин, как только началась война, уехал с семьей куда-то на север. Вот магазинчик старого Абдаллы – вся улица покупала у него хлеб, молоко, зелень... А на месте дома... На месте его дома зияла огромная воронка. Осталось лишь несколько старых деревьев – обугленных, с обломанными ветвями, и навес из деревянных щитов, под которым по-прежнему стояла машина отца.

Отец, когда его уволили с работы, (он работал в порту), продал всех овец и двух коров, и приехал домой на этом допотопном автомобиле с облупившейся краской. Машину подремонтировали, подкрасили, и отец занялся частным извозом, мечтая поднакопить денег и купить новую, сияющую лаком...

Он вздрогнул – на плечо легла чья-то рука. Это был старый Абдалла. Его темные, с легким прищуром глаза смотрели с ласковым сочувствием, но без жалости.

-Аллах велик, сынок. Теперь твои близкие в его царстве. Они не хотели бы, чтобы ты впадал в отчаяние и гневил Всевышнего... Поплачь – и тебе станет легче... Поплачь, и пойдём... Бог не дал мне ни сына, ни внука... Теперь моим сыном станешь ты!

Все случилось так, как и предполагали. Охрана беспрепятственно пропустила два микроавтобуса с полностью затемненными стеклами через ворота. Таблички со словом «Сервис», закрепленные на лобовом стекле, полностью удовлетворили охранников. Они даже не удосужились заглянуть внутрь салонов.

Машины подъехали к отелю и остановились. У входа стояли двое американцев. На свою беду они тоже не обратили на микроавтобусы ровно никакого внимания. Стояли и лениво переругивались – скоро должна быть смена.

-Приготовились, - сказал он в трубку. - Пошли...

Боковое стекло одной из машин плавно, с тихим жужжанием опустилось. Высунулась рука с длинноствольным пистолетом. Два негромких хлопка и – американцы как подкошенные валятся на свежeweымытый мрамор.

-Надеть маски! – напомнил он.

Каждый из ребят натянул на голову маску с прорезями для глаз и рта.

-Пошли...

Двадцать человек с оружием ринулись в стеклянные двери холла.

-Тихо! – сказал Алексей, приставляя пистолет к голове девушки, сидевшей за столиком. – Одно только слово – и ты отправишься к Аллаху...

Взгляд расширенных от ужаса темных глаз убедил его лучше любых слов. Двое других ребят уже вытаскивали из-за стойки портье. Он стучал зубами и судорожно хватался за какие-то бумаги, которые с тихим шелестом падали на пол.

Шорох за спиной заставил его оглянуться. По коридору улепетывал кто-то, одетый в камуфляж. Мгновенно щелкнули автоматы, но он предостерегающе поднял руку:

-Не стрелять! Живым...

И, когда трое парней притащили его – извивающегося, бьющегося у них в руках, - он сразу узнал его. Это был он - Исмаил-курд.

Семья его жила некогда в их городе. Сам Исмаил двадцати лет отправился на север и пропал где-то целых восемь лет. За это время умерли его родители и старший брат. А когда Исмаил

вернулся (по его словам он путешествовал по Сирии, Ирану и Ливану), ему пришлось жениться на вдове своего старшего брата и взять на себя заботы о большой семье в семь человек. В детстве они вместе играли, баловались и даже дрались, но сейчас Исмаил не узнал его. Впрочем, ему было не до этого. Он тяжело дышал, а выпученные глаза, кто-то из парней чересчур сильно сдавил ему шею, почти вылезли из орбит.

-Ты работаешь здесь? – тихо спросил он.

Исмаил кивнул.

-В отеле много американцев?

Исмаил кивнул вторично.

-Отпустите его, – приказал он парням. – Он захочет жить... Но смотри, одно неверное движение – и ты... – он выразительно повел стволом пистолета.

Но Исмаил никак не отреагировал на этот жест – он находился в состоянии шока. Тогда он приказал подвести портье. Тот все так же отбивал зубами дробь и ошалело оглядывался по сторонам.

-Веди нас в подвал! – приказал он.

Портье судорожно сглотнул слюну и кивнул.

-И этих двоих возьмите с собой! – он кивнул на Исмаила и девушку...

3

Когда-то давным-давно, в незапамятные времена, целых два года назад, его звали Али. Так его звали дома, в университете, коллеги в школе, так звала и Лейли.

С отличием закончив столичный университет, чем невообразимо гордился его отец, он вернулся в родной город и стал учителем английского языка. В ту пору никто и не думал о войне. Не думал и он. Учил детей, стараясь дать им то лучшее, что сумели донести до него преподаватели в университете. Пытался привить им любовь к языку, к культуре... Возил детей на экскурсии в столицу, где посещал вместе с ними театры, музеи, выставки. И, казалось, нашел свое призвание, свое место в жизни.

А когда начальник таможни порта предложил ему заниматься английским со своей дочерью – согласился, хотя это и было неприлично.

Лейли – замечательно красивая девушка, – только-только окончила школу менеджеров где-то за границей. На родине у нее не было никаких шансов получить образование – об этом позаботилось духовенство. Но денег отца хватило на трехлетнее пребывание в Европе, где, впрочем, девушка особенно себя учебой не утруждала. Когда же она вернулась, то оказалось, что некая французская компания возвела на берегу моря шикарный отель, и набирает персонал среди местных жителей. Вот тут-то Лейли и вбила себе в голову, что обязательно должна работать в отеле, – зря что ли она три года обучалась? Понадобился английский язык, и кто-то порекомендовал строгому начальнику таможни молодого учителя.

За баснословный гонорар Али согласился учить взбалмошную красавицу и... влюбился по уши. Девушка ответила взаимностью. И начался роман. А потом началась война, и все полетело к чертям.

В один из первых же налетов на город, погибли его родители, погибли родители Лейли, и они расстались. Школа перестала работать. Чему могли научить детей учителя, если война и жизнь, окружавшие их, учили быстрее самого строгого и взыскательного педагога? И Али, оставшись без семьи, без дома, без любимой, стал жить у Абдаллы, помогая тому в магазинчике, лишь изредка навещая школу...

4

Портье, всхлипывая и шепотом причитая, вел их по длинным коридорам. За ним шагал Алексей.

-Стойте! – приказал он. – Фалих! Возьми ребят, и начинайте зачищать территорию... Пока только сад и подъездные пути. Но – без шума. И еще, – вспомнил он, – ставьте растяжки, где только можно: в коридорах, в номерах... Но гражданских не трогать...

-Понял, – Фалих кивнул головой, обтянутой черной, плотной тканью. Глаза его в прорезях маски возбужденно поблескивали.

-А ты... – он обратился к портье. – Веди дальше...

Алексей подтолкнул стволом автомата этого толстенького с залысинами на круглой большой голове человечка. И тот послушно засеменил дальше. Следом за ними шел он, придерживая за локоть девушку. Еще двое парней тащили ящик с взрывчаткой. Замыкал шествие Найк, держа наизготовку

неизменный пулемет. Исмаила-курда оставили наверху под охраной одного из парней.

Помещение кухни, куда спустились они, было наполнено невообразимым шумом. Бульканье воды в огромных котлах, шипение и пощелкивание раскаленного масла, татаканье ножей по столам, крики персонала – все сливалось в единый гул, при котором, стоя вблизи от соседа, приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

Они с минуту наблюдали все это, но никто не обратил на них ровно никакого внимания. Наконец Алексей не выдержал и дал выстрел вверх. Все мгновенно замерло. Казалось, что даже и вода и масло, потревоженные этим резким и необычным звуком, затаились.

Около сорока человек застыли, разглядывая странных пришельцев.

-Дамы и господа! – Алексей выступил вперед, все еще держа оружие наизготовку. – Нам очень досадно, что пришлось беспокоить вас, но ничего не поделаешь. Поэтому слушайте мою команду: руки вверх!

Кто-то из парней перевел слова Алексея, и целый лес рук вырос над столами, плитами и котлами.

-Замечательно! – Он знал эту манеру Алексея. Но за любезными словами, за этой утонченной вежливостью всегда стояла такая грозная сила, что даже ему становилось не по себе. А что же должны были чувствовать эти, ошарашенные внезапным появлением людей в масках и с автоматами, повара, официанты и мойщики посуды?

-Дело в том... - все так же приторно вежливо начал Алексей, но осекся. Откуда-то сбоку, видимо из какого-то подсобного помещения вышли два американских солдата. Лица их были заспанными и выражали крайнее недоумение. Оружие висело за спиной. И, прежде чем они успели что-нибудь понять, пророкотала очередь из пулемета Найка.

Американцы свалились к ногам перепуганных людей, заливая ярко алой кровью кафельный пол. Истерично взвизгнула какая-то женщина, и опять все стихло.

Теперь уж выступил вперед он.

-Мы пришли, - начал он без предисловий, - чтобы наказать наших врагов и предателей. Всякий, кто осмелится встать на нашем пути – умрет. Лишней крови нам не нужно, но и вы должны вести себя благоразумно. Любое лишнее

движение, слово – и вас ожидает такая же участь, – он коротким, точным, скупым жестом указал на трупы. – А для большего воодушевления (тут он не удержался от иронии), мы оставим здесь вот это...

Парни с ящиком шагнули вперед.

-Здесь взрывчатка! – пояснил он. – И ее достаточно, чтобы весь этот отель взлетел к небесам. Уясните себе, что мы не побоимся отправиться туда вместе с вами. Нам уже терять нечего, а вас дома ждут родные...

Шум на лестнице прервал его содержательную речь. Толпа насторожилась. Парни схватились за оружие.

Сначала в помещение кухни кубарем скатился человек в серой униформе охраны отеля, затем спустились еще двое – в масках.

-Что случилось? – спросил он спокойно. – Я, кажется, говорил: гражданских не трогать...

-Этот шакал звонил в полицию, – по дрожащему от ярости голосу он узнал Фалиха.

-Иди, – мерным, твердым голосом сказал он.

-Я перережу ему глотку... – Фалих выхватил нож, висевший на поясе, и сделал шаг к лежащему человеку.

-Я сказал: иди! – ему пришлось повысить голос. – Иди, я сам разберусь...

Фалих пожал плечами, плюнул и ушел. Он даже не взглянул на трупы, лежавшие у ног сгрудившихся кухонных работников, и это произвело на тех огромное впечатление.

-Вставай, – он подтолкнул носком ботинка охранника. – Он ушел...

Тот медленно приподнялся, сел, оглядываясь. Его смуглое красивое лицо было рассечено от виска до подбородка. Он вытащил пистолет и дважды выстрелил с таким расчетом, чтобы пули прошли впритирку с головой. Этот прием всегда оказывал нужное психическое воздействие. Помог он и сейчас. Охранник стремительно вскочил и вытянулся.

-Что, – с нескрываемым ехидством спросил Алексей, – решил героем стать? Умереть героем захотелось?

-Не-е-ет! – какая-то девушка вырвалась из толпы и встала между охранником и Алексеем, заслоняя своим телом

серую униформу, на которую капала стекающая по лицу кровь. – Не убивайте его! Пожалуйста...

Алексей даже, кажется, опешил от такого страстного натиска. Он отступил на шаг и беспомощно оглянулся на него.

Он подошел, заглянул в глаза девушке, приподняв ее лицо за подбородок. Сухо сказал своим:

-Отпустите его...

Его парни были далеки от сентиментальности. Они отшвырнули девушку, схватили охранника за руки.

-Иди отсюда, - сказал он пленнику. – Иди, пока я не передумал... Только под ноги смотри! И знай, если попытаешься снова позвонить в полицию, ей не жить...

Тот едва заметно кивнул, еще раз обвел глазами всех и рванул вверх по лестнице. Слышно было, как прогрохотали его шаги...

-А теперь, - он снова обернулся к работникам кухни, - сами видите...

Трескучий всплеск взрыва эхом отозвался во всех подвальных помещениях, заставив всех присутствующих вздрогнуть. Только Найк, поглаживая свой пулемет, усмехнулся.

Девушка, та, что заступилась за охранника, задрожала:

-Что... Что это было?

-Он не смотрел под ноги, - ответил Алексей, укоризненно глядя на него. – Надо было оставить его здесь...

Он не ответил. Молча повернулся к парням и жестом приказал закладывать взрывчатку.

-Так... Так он умер? – девушка, не веря, переводила взгляд с одной маски на другую. – Он умер?

-Сама же слышала, - пробурчал Найк, помогая парням подтащить ящик к стене и установить взрыватель.

Он, не обращая внимания на побелевшую девушку, обратился к Алексею:

-Готовьтесь! Оставьте здесь пару человек... - острая боль в плече не дала ему договорить. Инстинктивно схватившись за плечо, он обнаружил торчащую рукоятку ножа, которую сжимали чьи-то холодные пальцы. Это девушка, схватив со стола нож, молча вонзила его в плечо, как только он отвернулся.

Сильным рывком вытащив нож и бросив его на пол, он с размаху ударил девушку по лицу, отшвырнув ее к стене.

Найк, уже не усмехаясь, не говоря ни слова, вытащил пистолет и приставил его к голове рыдающей девушки. У него поплыли перед глазами разноцветные круги, но, сдержав крик боли, он отвел руку Найка:

-Не надо...

Черные глаза негра блеснули любопытством.

-Не надо! - повторил он, зажимая рану.

-Эх ты... - Найк спрятал пистолет и отошел.

Алексей торопливо перевязывал кровоточащую рану. А он не отрываясь смотрел на девушку. Он не пожалел ее. Его научили отвечать болью на боль. Просто лицо этой девушки напомнило ему другое лицо. И только.

5

В то утро он отправился проведать школу. Абдалла не открыл магазин, потому что, как говорили, ночью был штурм города, правительственные войска отступили, и с подвозом продовольствия теперь будет только хуже. Как торговать в такие времена? Тут бы себя прокормить. И Али воспользовался случаем, чтобы навестить школу, то место, с которым связано столько теплых воспоминаний.

Улицы утреннего города были пустынно. Не было видно даже машин. Легкий ветерок шелестел на площади тысячами разбросанных листов бумаги. От порта несло запахом гари - видимо, отступая, правительственные войска подожгли склады и пакгаузы, где хранились запасы продовольствия и медикаментов для армии. А с южной окраины города доносился тяжелый, равномерный гул. Он долго стоял, прислушиваясь, но так и не смог понять - что это.

Школа встретила его приветливой белизной стен, зеленью сада и... развалинами.

Правое крыло школьного здания, где раньше размещались спортивный зал и библиотека, было разрушено до основания. Тысячи книг были разбросаны по школьному двору, очевидно, взрывной волной. Они жалобно что-то лепетали, бессильно взмахивая обожженными страницами, словно хотели подняться ввысь и улететь отсюда, подальше от людей с их войнами, ракетами и бомбами.

Обойдя здание школы, он наткнулся на школьного сторожа – тот сидел на крыльце и мрачно следил за тем, как появлялись из-за поворота танки и бронетранспортеры. На лице старика он заметил следы слез. Еще бы! Сорок лет прослужить в школе, и видеть теперь, как ее уничтожают у тебя на глазах. И еще он понял теперь, что за шум надвигался на притихший город! Это они. Вот эти песочного цвета танки и бронетранспортеры с сидящими на броне пехотинцами, угрюмо глядящими из-под касок. Это они нарушили покой спящего города. Они...

Едва он успел подумать об этом, как со всех сторон на колонну обрушился огненный шквал.

По колонне стреляли отовсюду: из домов и развалин, из ветхих строений, которые служили горожанам кладовками и сараями, даже с крыши школы гулко и отрывисто стрелял снайпер, каждым своим выстрелом сваливая на землю по одному солдату. Даже из канализационных колодцев то появлялись, то исчезали головы людей с гранатометами...

Запылали танки и бронетранспортеры, которые только что, как на параде, въезжали в опустевший город. Разбегались во все стороны солдаты-победители, прячась в канавах и развалинах...

Трое американцев, не обращая внимания на сторожа и Али, сидевших на крыльце, перепрыгнули через школьную ограду и бросились бежать через школьный сад. Али с интересом следил за ними – успеют они выйти из-под такого плотного огня или нет?

Но вот солдат, тот, что был поменьше ростом, споткнулся и, нелепо взмахнув руками, упал. Двое других хотели его поднять, но снайпер на крыше не дремал. Первый из американцев схватился за голову и упал, второй, затравлено озираясь, поспешил ретироваться, бросив по дороге автомат, который мешал ему, цепляясь за ветви деревьев и кустарника.

И тут стрельба стихла. Наступила такая зловещая тишина, что слышно было, как потрескивает пламя, охватившее подбитую технику на дороге. Исчезли неизвестные мстители, превратившие триумфальное вступление врагов в город в кровавое побоище. И только десятки трупов, в беспорядке разбросанных по улице, указывали, что они были здесь.

Сторож все это время сумрачно наблюдавший за избиением, теперь удовлетворенно хмыкнул, встал и пошел к себе. А Али направился к солдатам, лежавшим в саду. Во-первых, он хотел раздобыть себе оружие, а во-вторых, ему показалось, что маленький солдат еще жив и даже пошевелился раз-другой.

Приблизившись, он с удивлением обнаружил, что это

девушка. Она лежала, подогнув под себя руки. Винтовка лежала рядом. Поколебавшись немного, он перевернул ее на спину и, склонившись почти к самому лицу, почувствовал едва различимое дыхание. Девушка была жива. Куртка на левом боку намочила и пропиталась кровью.

Он стащил с ее головы каску и, приподняв, прислонил спиной к стволу дерева. Он помнил, что это нужно делать, чтобы кровь, если повреждены какие-то внутренние органы, не прилила к голове и раненая не захлебнулась.

Продельвая все это, он и не заметил, что девушка пришла в сознание и с тревогой следит за ним из-под полуопущенных век. А когда заметил, немного смутился и с растерянной улыбкой спросил по-английски:

-Как тебя зовут?

-Кэтти...

-Не бойся, - торопливо заговорил он, - я только учитель, всего лишь учитель английского языка, и я не сделаю тебе ничего плохого...

Она прерывисто дышала, и по недоверчивому взгляду он видел, что она не верит ему и боится. Видимо ее вдоволь напичкали рассказами о безжалостных террористах-смертниках, которые мало заботятся о своей жизни, но и чужую ставят ни во что. Она боялась пыток и насилия. Ведь сколько раз по телевизионным каналам показывали отрубленные головы, изуродованные тела...

-Не бойся, - повторил он, чтобы хоть что-то говорить, чтобы хоть как-то притупить ее страх. - Сейчас я перенесу тебя в безопасное место, сделаю перевязку, а потом пойду и отыщу ваших... Они пришлют за тобой врача и ты поедешь в госпиталь...

Говоря все это торопливой скороговоркой, он заметил, что девушка помимо своей воли начинает успокаиваться. Она даже задышала ровнее, глубже. Взгляд глаз потеплел. Она даже пошевелила рукой, видимо, для того, чтобы найти и пожать его, Али, руку.

-Лежи и не двигайся...

Старый сторож был не в восторге, когда увидел Али с такой ношей на руках. Но несколько цитат из Корана, которые прочитал наизусть Али, говорили о милосердии и помощи страждущим и ближним своим. И старик смирился. Хотя и никак не мог вспомнить: где, в какой суре Священной книги сказано, что американцы являются его ближними?

Предоставив свою каморку и постель для раненой, сторож в качестве компенсации завладел ее винтовкой, которую тут же запрятал так надежно, что уже через день никак не мог вспомнить: куда же она запропастилась?

А Али, сделав перевязку как умел, отправился отыскивать американцев, чтобы те пришли и забрали девушку. Ведь если бы кто-нибудь узнал о ее пребывании в здании школы – не миновать тогда расправы ни ей, ни Али, ни сторожу...

6

Оставив Найка и одного из парней присматривать за пленными на кухне, он с Алексеем поднялся в холл. По дороге они наткнулись на тело охранника, которого он отпустил несколькими минутами раньше. Труп лежал посреди коридора, и нижняя его часть была изувечена взрывом. Видно, он действительно не внял совету и бежал не глядя под ноги...

Фалих уже ждал их. Вместе с ним стояли наготове еще шестеро боевиков.

-Все готово! – доложил он. – Сад и подъезды к зданию зачищены. В коридорах и номерах – растяжки и ловушки. Горничных, садовников и прочих мы согнали в гараж, их охраняют два человека.

-Хорошо, – он коротко взглянул на Исмаила-курда, который уже пришел в себя после пережитого потрясения и сидел среди боевиков, впрочем, все так же ни на что не реагируя. – Еще, Фалих... Заминируйте все лифты. Электричество не отключайте – это вызовет подозрение. Еще заминируйте вертолетную площадку на крыше, сам ведь знаешь, американцы любят эффекты! Их командос обязательно будут высаживаться с вертолетов на крышу...

-Как в том боевике! – вставил с усмешкой Алексей.

-Перекройте все подъезды к отелю! Пусть группа прикрытия, все гранатометчики и снайпера займут позиции и ждут сигнала! Кто бы не появился – подпускаем поближе и уничтожаем. Они празднуют, так отпразднуем и мы...

-Понял! – Фалих кивнул и исчез.

Он перевел взгляд на Исмаила.

-Теперь веди в офис...

Исмаил вскочил с места.

-Но там... там ведь уже никого нет... - заикаясь пролепетал он.

-Тем лучше. Но не мешало бы лишний раз проверить...

-Слушай, - обратился к нему Алексей. - Давай я схожу с ним, а? Что ты лезешь во все дыры? Стоит ли рисковать?

Он помолчал, глядя в глаза Алексею до тех пор, пока тот не отвел взгляд. Потом сказал:

-Это наша война, Леша! Это наша земля!

-Да? - с иронией и горечью спросил Алексей. - А что же тогда делаем мы здесь? Я? Найк? Десятки других? Если ты скажешь мне, что мы воюем только ради денег - я всажу тебе пулю в лоб! Не бойся, мы говорим по-английски, и никто из них - он кивнул на боевиков с любопытством прислушивающихся к беседе, - никто из них ничего не понимает. Ваша война? Свою войну вы уже проиграли! Не государство, а народ! Вас предали, продали? А вы это стерпели! Ведь так? Ваша, твоя война? Пока война не коснулась лично тебя - ты палец о палец не ударил: жил по принципу - моя хата с краю, своя рубашка ближе к телу! Что, не так?

Ваша земля? Ты, извини, но какие из вас, к черту, защитники родины, если вы не изгнав врага, уже начинаете делить свою землю? Это курдам, это суннитам, это шиитам... Идиоты, вот вы кто! Это те, кто продал страну американцам, сейчас делят власть и натравливают вас друг на друга! На американские же деньги! Им ведь выгодно, чтобы вы резали друг другу глотки...

-Успокойся, Леша, - он положил руку на плечо разгорячившегося друга. - Не надо сейчас об этом...

-Не надо? - с удивлением переспросил Алексей. - Надо! И именно сейчас! И необходимо объяснить все это нашим головорезам! А не то дождешься, что кто-нибудь из своих пальнет тебе в спину...

-Я сказал: хватит! - тоном приказа произнес он и поправил повязку на плече, невольно поморщившись.

-Болит? - равнодушно спросил Алексей.

-Есть немного...

Он чувствовал, что Алексей прав. Прав во всем. Войну они проиграли. И потому, что государство жило отдельно, а народ отдельно - народ к этому приучили. И армия храбро сражавшаяся проиграла не потому, что была слабее, а потому что ее предали, вернее, продали.

И сейчас ему стало действительно стыдно. Ведь не потеряй он семью, не столкнись с войной лицом к лицу – все осталось бы по-прежнему...

-Хорошо, Леша, иди с ним, - он кивнул на сжавшегося Исмаила. – Выгреби из офиса все деньги и документы...

-Разумеется... - Алексей привычным жестом закинул на плечо автомат и кивнул Исмаилу, - пошли...

Он двинулся было к лестнице, но остановился и обернулся.

-Что еще? – нетерпеливо спросил он.

-А пока меня не будет, ты не выкинешь чего-нибудь? – с подозрением спросил Алексей.

-Не выкину, - усмехнулся он.

-Так я тебе и поверил...

-Слово даю...

-Ну, смотри...

-Возьми еще кого-нибудь, - посоветовал он. – На всякий случай...

-Понял...

Как только Алексей со своей группой ушел, он приказал остальным готовиться. По словам портье, это подтвердил и Исмаил, основная часть американцев в это время находилась в баре. Он решил напасть на них именно в баре, там и тогда, когда они меньше всего ожидали нападения, полагаясь на охрану и разнообразную электронику с камерами слежения, различными детекторами, до которых американцы большие охотники.

Но не мешало провести небольшой инструктаж.

-Мы идем в бар, - сообщил он своим. – Поменьше шума. Народу там много, наверное, играет музыка... Поэтому стрелять только из оружия с глушителем. Гражданских не трогать. Ну, или, если кто-то из них вздумает поднять тревогу. Ясно?

Четыре приземистые фигуры кивнули.

-Пошли...

Они быстро поднялись на третий этаж, где, если верить плану, находился бар. По пути пришлось связать и запереть в пустом номере чрезвычайно импульсивную женщину, которая стала громко возмущаться, что по ее этажу ходят посторонние, да еще в каких-то нелепых масках натянутых на лицо. Женщину

связали, заткнули ей рот и, привязав к стулу в пустом номере, посоветовали отдохнуть пару часиков. Привязанная к стулу она продолжала проявлять служебное рвение, но увидев пистолет прямо у своего носа, быстро успокоилась и предпочла держать свое праведное возмущение при себе.

У дверей бара стояли два охранника – в черных костюмах, холодные, невозмутимые, с темными очками на угрюмых, дубленых лицах. Два негромких хлопка повергли их на пол. Тела убитых оттащили в сторону и затолкали в нишу, задрапированную сверкающей тканью. Путь был свободен.

В полусумраке бара гремела музыка, сверкали огни, слышались смех женщин, пьяные выкрики. На вошедших никто не обратил внимания.

-Передвигайтесь от столика к столику, - шепнул он своим. - Убивайте всех, кто в военной форме. Больше никого не трогать... Делайте вот так... - Он выбросил вперед руку и притянул к себе военного, который шел к выходу в обнимку с женщиной. Мужчина не держался на ногах и женщине приходилось его тащить. Он приставил пистолет к боку пьяного, выстрелил и тут же отдернул руку. Тело обвисло. И женщина, ничего не заметив, отчаянно ругаясь повлекла своего ухажера дальше.

Какая-то девушка, полуобнаженная, с распущенными темными волосами, вскочила на столик и принялась в такт музыке снимать с себя предметы туалета. Все внимание обратилось на нее. Даже два прожектора – синий и зеленый – развернули свои лучи на нее. Присутствующие хлопали, смеялись, а пятеро в масках бесшумно передвигались по залу, оставляя за собой распростертые тела. То один, то другой из сидящих за столиками военных откидывался в мягком кресле, будто желал отдохнуть, либо плюхался лицом в тарелку, как человек перебравший спиртного и потерявший в борьбе с опьянением последние силы.

Он быстро оглядел бар. У стойки сидели две девушки в военной форме. Они смеялись и, потягивая из стаканов, края которых были испачканы яркой губной помадой, какой-то напиток и разговаривали с барменом.

Его рука безвольно опустилась. Это выше его сил! Вот к девушкам подсели двое молодых людей. Они переговорили, выпили должно быть за знакомство, и вместе отошли от стойки, заняв столик в отдаленном углу зала. Преследовать их он не стал, не мог. Окинув взглядом зал, посмотрел на часы и

двинулся к выходу – вся операция заняла не больше двенадцати минут.

Проходя мимо того столика, где сидели те девушки и молодые люди, он с удивлением обнаружил, что молодых людей за столиком уже нет, а девушки застыли в безжизненных позах. И у одной из них по бледному, остывающему лицу стекала струйка крови, которая сочилась из уголка рта и которую можно было принять за струйку фруктового, скажем, гранатового сока...

7

Когда он привел американцев, и они забрали раненую девушку, Али отправился домой – ходить по улицам было небезопасно. Союзники, разъяренные нападением на колонну бездумно и бесцельно обстреливали город, не очень-то заботясь, куда угодят их ракеты и снаряды.

Над городом, сверля воздух, стрекотали вертолеты. Они патрулировали небо, а, заметив движение на улице, зависали, будто орел, высматривающий добычу, и обрушивали на узкие переулки огненный смерч.

Прячась от вертолетов, одинаково опасаясь столкнуться с американцами и боевиками, Али пробирался домой. Вернее, он шел к дому Абдаллы – ведь это теперь и его дом. И тут он увидел нечто такое, что заставило его остановиться в изумлении.

У развалин дома Лейли стояли два грузовика, несколько легковых машин и военный «джип». Солдаты в американской форме грузили на грузовики тюки, мешки, чемоданы. Четверо американцев, кряхтя и ругаясь, тащили через сад белый рояль. Али помнил его – год назад отец Лейли выписал этот рояль из Германии, специально для старшей дочери.

А вот и он сам... Али даже провел рукой по глазам: не померещилось ли ему? Нет. Это он – отец Лейли, суровый начальник таможни порта – Суфи. Дружески беседует с американским офицером, словно они – братья, словно давно знакомы.

Вот Суфи что-то сказал американцу и даже похлопал того по плечу. Бред! Да разве такое может быть? Ведь Суфи – один из тех, кто призывал горожан сражаться с захватчиками. Это он выступал на митинге в тот самый день, когда все узнали, что началась война. И как он может так миролюбиво разговаривать

с американцами, если у него разрушен дом, погибла жена и две младшие дочери?

Но что это? Вон Лейли. Стоит, уперев руки в бока, о чем-то пререкается с матерью. С собственной матерью – живой и здоровой. А вон ее сестры – носятся по дорожкам сада, забавляясь с собаками.

Загруженные грузовики отъехали в сопровождении «джипа».

-Али?! Ты ли это?

Суфи, распрощавшись с американцем, наконец, заметил стоящего поодаль юношу.

-Лейли, посмотри, кто пришел...

Девушка, небрежно, через плечо взглянула на отца, на Али, и отвернулась.

-Не сердись на нее, - засмеялся Суфи совсем не к месту. – Она до сих пор не пришла в себя после того налета, когда разрушили дом. Хорошо еще, что я успел вывести жену и детей... Теперь мы переселяемся к моему брату, это недалеко... Знаешь, наверное – дом возле мечети...

-Знаю, знаю, - закивал Али рассеянно.

-А через пару месяцев, даст Бог, отстроим заново наш собственный дом... Комендант уже обещал мне помочь... Вон, дал и машины и людей... Я теперь снова стану начальником таможни, американцы меня пригласили. Создается новое правительство, новая армия, все будет новым, вся наша жизнь... Да, - спохватился Суфи, напустив на свое круглое, цветущее лицо тень печали, - я слышал... Мне очень жаль, Али, что так вышло... Говорят, ты даже не смог их похоронить...

-Да, - кивнул юноша, - ничего не осталось. Я сейчас живу у Абдаллы...

Суфи сочувственно качал головой, вздыхал, говорил какие-то слова, но Али его почти не слушал. Он следил за Лейли. Девушка в нарядном лиловом платье хлопотала, суетилась, покрикивая на младших сестер, на мать. Но видно было, что все это только одна видимость, что все это рассчитано и делается для того, чтобы показать ему, Али, что здесь до него нет никому никакого дела. Мол, видишь, люди делом заняты, так что иди своей дорогой – не мешай.

-Да, жаль, жаль твоего отца, - говорил рядом Суфи. – Честный был человек... А все наше правительство... Президент...

Вся эта свора, которая загнала страну в тупик, в хаос...

Али перестал следить за Лейли и с любопытством взглянул на ее отца. Так вот как ты заговорил, доблестный защитник Отечества? А кто призывал всего месяц назад к газавату? Кто разбрасывался словами: «трусы», «предатели»? Кто славил президента?

Совсем уже кстати завывали сирены, извещая о новом воздушном налете. И Али, извинившись за беспокойство, поспешил уйти. Кругом металась люди в поисках укрытия, а эта семейка, как ни в чем не бывало, продолжала грузить свое барахло под охраной американских солдат. Видимо, летчикам, сбрасывающим смертоносный груз на город, строго определены наземные цели, и расположены они почему-то в бедных кварталах, - там, где никогда не было никаких военных объектов.

Али быстро шел по улице, а навстречу ему уже неслись машины пожарной охраны, переполненные машины «скорой помощи», бежали люди... А над бедняцкими кварталами уже вздымались шапки взрывов...

До дома Абдаллы оставалось совсем немного, и тут Али увидел старика. Абдалла медленно, почти торжественно брел по улице, держа на руках маленькую внучку. Юношу поразило бледное лицо старика - она все было забрызгано кровью. А по морщинистым старческим щекам ползли тяжелые, скупые слезы. И в глазах - глубоких, будто вдавленных в череп, - горела люта я ненависть...

Али бросился наперерез старику, но не успел. Где-то совсем рядом раздался оглушительный взрыв. Вспыхнул яркий свет, а через мгновение мир погрузился во мрак...

8

Вернувшись в холл, они застали там Алексея, который отчаянно ругался, не стесняясь в выражениях. У стены на корточках сидел боевик, поставив автомат между колен и придерживая его руками. Рядом с ним лежали два рюкзака доверху набитые пачками денег. А в двух мягких, уютных креслах сидели девушка и старик.

Едва увидев его, Алексей набросился с вопросами:

-Ты где был? Ты же обещал...

-Все в порядке, Леша... Провели небольшую разведку и вернулись.

-Вот и верь тебе после этого...

Алексей, расстроенный, отошел.

-Это что за люди? – громко спросил он, стараясь заглядывать свою вину.

-В офисе нашли, - буркнул Алексей, стоя у окна. - Старик, кажется управляющий или финансовый директор – денег у него оказалось куча... Полный сейф. Даже под стол складывал. А девчонка – то ли секретарь, то ли любовница... Сидела на столе у него, что-то рассказывала или показывала... В общем не до этого мне было! Забрали мы их и – сюда!

Он неторопливо обернулся к пленным и встретился с полуудивленным – полуиспуганным взглядом девушки. И ее самоуверенная поза – она сидела, откинувшись на спинку кресла, положив ногу на ногу, блузка на груди расстегнута, - тут же изменилась.

Девушка вскочила и остановилась в замешательстве. Боевики, не поняв ее намерений, направили на нее оружие.

-Убрать! – недовольно приказал он.

«Узнала или не узнала?»

Он обжег ее таким взглядом, что она отшатнулась.

-Ты знаешь, кто это? – спросил он у Алексея. – Дочь начальника таможни порта... Старшая дочь! Лейли...

-Начальника таможни? – от окна переспросил Алексей. – Еще один достойный кандидат на виселицу...

-Что... что вы такое говорите... - дрожащим голосом спросила девушка, отступая. – Какая виселица? Мой отец – честный человек... Он тридцать лет отдал... Его уважают... он...

-Предатель! – четко договорил Алексей, резко поворачиваясь. – Начальник таможни? – он вопросительно взглянул на него. – Это не тот, который сдал американцам наш склад и всю группу Фалиха?

Он утвердительно кивнул. Алексей несказанно обрадовался:

-Вот это подарочек для Фалиха! Отдадим ему девчонку – пусть делает, что хочет... Заодно не мешало бы познакомиться и с ее папашей, с этим... честным предателем из таможни.

-Фалих возвращается, - бесстрастно заметил он, глядя в окно.

-Отлично! - Алексей двинулся было к двери, но тут взгляд его упал на старика по-прежнему невозмутимо сидевшего в кресле.

-А это тоже еще один честный человек?

Старик и бровью не повел, словно говорили не о нем, а о каком-то третьем лице.

-Эй, ты кто такой?

Та же молчаливая неподвижность.

-Кто это? - спросил Алексей у девушки. - Он глухой?

-Это наш управляющий, - пояснила она, бросая быстрые, молящие взгляды на него.

«Узнала!» - понял он. А она продолжала неотрывно смотреть на него. Кроме всего прочего, ее беспокоило и то обстоятельство, что сейчас явится какой-то Фалих и ее передадут в его в руки. Господи! Что же они с нею сделают?!

- Он француз. Это ведь французы построили наш отель.

-Понятно...

Вошел Фалих.

-Все готово!

-Хорошо...

-Вот, Фалих, - Алексей сделал широкий, приглашающий жест рукой, - подарок тебе...

-Что за подарок? - насторожился тот.

-А вот она... - Алексей указал на сжавшуюся Лейли. - Красивая девушка?

-До девушек ли тут... - Фалих отмахнулся от Алексея как от надоедливой мухи.

-Да ты хоть знаешь, кто она? Не знаешь? Дочь начальника таможни порта. Того самого...

-Начальника таможни? - Фалих весь напрягся. В голосе сквозило недоверие.

-Его, его, - скороговоркой ответил Алексей. - Вот мы и решили отдать ее тебе... Она теперь твоя...

Рука Фалиха непроизвольно потянулась к ножу.

-Нет! - девушка метнулась к нему. - Не отдавайте меня ему - он убьет меня...

Он недовольно поморщился и отвернулся. Кровь за кровь. Смерть за смерть. За брата и жену Фалиха должна ответить дочь предателя. Чем она лучше? Убьют ее, изнасилуют, потребуют за нее выкуп - какое ему дело? Они пришли сюда мстить. Но...

Он медленно повернулся, потому что за спиной наступила зловещая тишина. Фалих стоял перед девушкой и хладнокровно целился в прекрасное лицо из пистолета. Казалось, еще секунда, прозвучит негромкий хлопок и по стене поползут алые струйки, а у ног Фалиха будет лежать, подергиваясь и агонизируя, тело девушки, которую он когда-то любил... А, может, и сейчас любит.

Он уже хотел шагнуть к Фалиху и стремительным ударом выбить из руки оружие, но этого не понадобилось. Бесстрашный командир подрывников коротко вздохнул и опустил руку с пистолетом.

-Ну, что же ты? - насмешливо спросил Алексей.

-Я не убийца, - глухо ответил Фалих.

-Идиот! - сплюнул Алексей.

-Что ты сказал? - тяжело дыша, с угрозой спросил Фалих, обращившись к нему.

-Я сказал: идиот! Идиот! Если хочешь, могу еще раз повторить... Кретин! Каждый день взрываешь напичканные взрывчаткой машины, калечишь сотни неповинных людей и говоришь: ради победы! А здесь? Да понимаешь ли ты, что, отказавшись убить ее, признавая, что это будет простым убийством, ты сделал себя и своих ребят убийцами в двойной и даже тройной степени?

-Успокойся, Леша, - вмешался он, - выпей чего-нибудь...

-Да иди ты... - огрызнулся Алексей. - Ах, какие мы благородные! Раньше об этом надо было думать! А не после того, как устраивали взрывы на базарах, возле больниц и мечетей!

-Хватит! - приказал он резко. - А ты сам? Тогда? Поэтому - хватит!

-Хватит так хватит,- Алексей брезгливо отбросил в сторону автомат и сел в кресло.

-Теперь бери людей, - сказал ему он. - И пройди по этажам. Не пропускайте ни одного номера, ни одного помещения...

-Да? - насмешливо отозвался Алексей. - А это ты видел? - Он сделал довольно неприличный жест. - С места больше не тронусь. Играйте в войну и дальше, но без меня. Воины Аллаха...

Он побледнел. Рука потянулась к пистолету. Алексей все так же насмешливо смотрел на него.

-Я могу расстрелять тебя, - тихо сказал он, - за невыполнение приказа...

-Стреляй! - презрительно бросил Алексей. - Только сразу! А то еще задумаешься: этично - неэтично, благородно или нет...

Он еще что-то ворчал, но его уже никто не слушал.

-Еще бар! - напомнил Фалих.

-В баре чисто, - ответил он. И, вспомнив тех двух девушек в форме, замолчал. Ему показалось, что Алексей опять прав. Разве они виноваты, что их отправили сюда? И чтобы больше не задумываться над всем этим, он закинул автомат на плечо и стал подниматься по лестнице...

9

Он быстро поднимался по лестнице. Где-то между вторым и третьим этажами его нагнал Фалих с ребятами. Фалих - единственный из них, троих, кто не потерял головы и не впал в мрачную задумчивость, после стычки, возникшей между ними из-за Лейли.

Когда он ушел, Фалих позаботился, чтобы девушку и старика управляющего проводили в подвал, и, оставив Алексея в холле, отправился на поиски его.

На третьем этаже слышался оглушительный шум, вопли... Поймав удивленный взгляд Фалиха, он угрюмо пояснил:

-Это в баре...

Видимо, там обнаружили, наконец, что почти половина посетителей перебита неизвестно кем. И теперь объятые ужасом люди выбегали из бара и натыкались на кучку вооруженных людей в масках, которые загоняли их обратно, не говоря при этом ни слова.

Когда все были согнаны в помещение бара, они двинулись дальше, оставив у дверей двоих парней. Говорить что-либо перепуганным людям ему не хотелось. Пусть шумят, все равно их никто не услышит...

Он бы, наверно, долго еще бродил по пустым коридорам отеля, но его остановил Фалих.

-Постой!

Он остановился.

-Куда ты? Здесь вокруг все заминировано... Наткнешься на растяжку... Глупая смерть!

Он молчал.

-Пошли вниз, - продолжал Фалих, - если тот ублюдок дозвонился, то скоро здесь будут и полиция и американцы. Ты слышишь? Да встряхнись же ты!

В кармане завибрировала корпусом трубка, требуя внимания.

Он достал ее:

-Слушаю...

В это время снизу послышались крики, взрывы, ожесточенная стрельба. Боевики насторожились.

Он убрал трубку обратно в карман.

-Приехала полиция. Два автобуса. Входят в здание.

-Ага, - удовлетворенно рассмеялся Фалих, - господа американцы не желают рисковать... Послали вперед наших дуболомов...

Стрельба внизу на минуту усилилась и мгновенно стихла.

-Вниз! - скомандовал он. Его беспокоило, что там, в холле, остался один Алексей. Сколько он сможет продержаться против полусотни полицейских?

Они побежали вниз по лестнице. Царившая внизу тишина давила, угнетала. Неужели Алексей погиб?

Спустившись на второй этаж, они услышали несколько раскатистых взрывов, а затем оглушительную пулеметную очередь.

-Мои растяжки, - самодовольно заметил Фалих, прислушиваясь. - А это Найк...

Пулеметная очередь захлебнулась. Послышалось несколько обрывистых автоматных очередей и – тишина.

Оказавшись на первом этаже, в холле, он даже зажмурился и отступил на шаг. Холл был завален трупами. В коридоре на стенах, на полу, на потолке алели кровавые разводы. Тела в форме полицейских устилали синий ковролин так густо, что иногда некуда было поставить ногу.

Двое парней с автоматами, стянув маски, утирают ими пот, струящийся по лицам. А Найк со своим верным пулеметом, низко склонившись, что-то изучает за стойкой портье.

-Что там? – спросил он, почти не слыша собственного голоса.

Фалих быстро обогнул стойку, взглянул, покачал головой и отошел прочь.

-Что там? – повторил он, глядя на Фалиха.

-Алексей...

Найк выругался и вышел из-за стойки.

-Наповал...

-Где твои снайпера, где твои гранатометчики? – бешеным голосом спросил он у Фалиха. – Ты же говорил, что все на месте, мышь не проскочит... А два автобуса проскочили! На кой черт нужна такая охрана?!

-Они ждали твоей команды, - ответил Фалих тихо. – Не ты ли приказал стрелять только по команде? Так нет! Вместо того, чтобы приказать, вы занялись разборками... Куда ты поперся? Что, без тебя никто не мог пройти по коридорам? Вот тебе цена твоей прогулки...

Не соображая, что делает, он стал вытаскивать пистолет. Фалих стоял спокойно и ждал.

-Но-но, - Найк встал между ними. – С ума сошли? Мало вам Лешки?

Они взглянули друг другу в глаза и разошлись по разным углам.

-Как это произошло? – тяжело дыша спросил он, рука дрожала, и он никак не мог попасть в карман.

-Знаю не больше вашего, - пожал плечами Найк. – Услышал взрывы, выстрелы... Поднялся по лестнице и увидел полицейских... Сразу стрелять не стал, подпустил поближе. А

когда в коридоре что-то гроыхнуло, выпустил весь цинк. Двоих добил уже здесь, они вытаскивали Алексея из-за стойки...

-Он был еще жив? – перебил он.

-Навряд ли, - Найк с сомнением покачал головой. – Видимо, он их засек и стал стрелять, а они его забросали гранатами...

Он повернулся лицом к стойке, изрубленной пулями и осколками. Хотелось еще раз взглянуть на Алексея, но сил не хватило. Не хватило решимости подойти и посмотреть на искалеченное тело друга. Он с отчаянием махнул рукой и вышел в сад.

10

Он попал в тренировочный лагерь совершенно случайно. Просто хотелось поскорее добраться до дома. Поэтому, как только выписали из госпиталя, где врачи сделали почти невозможное – буквально из кусочков собрали его тело и вернули к жизни, - он пристал к группе таких же, как он, бывших раненых, пострадавших во время налетов или обстрелов, случайных, собственно, жертв, собиравшихся на родину.

Путь предстоял неблизкий – надо было пересечь три границы, бесчисленное количество постов и КПП. Вот они и сели в автобус, водитель которого согласился их подвезти. И подвез. И, оказалось, как раз туда, куда нужно.

Лагерь расположился в узкой знойной долине, окруженной со всех сторон холмами. Все жилые помещения и склады запрятаны под землю.

Автобус долго петлял меж холмами, то съезжая с пыльной грунтовой дороги, то снова выкатываясь на нее, волоча за собой пушистый, серый хвост пыли. Потом скатился по небольшому склону в долину и, скрипнув тормозами, остановился у покосившегося, старого и сухого дерева с таким могучим стволом, что показалось, будто это дерево стоит здесь с незапамятных времен и помнит еще походы Александра Македонского.

Откуда-то из-за дерева появился человек и махнул рукой шоферу. Автобус, заворчав изношенным мотором, прополз несколько сот метров и... чудо! .. оказался в глубоком, прохладном подземном гараже.

Пока пассажиры изумленно оглядывались в салон вошли двое. Одеты они были в полувоенные костюмы, но оружия не

было.

-Добрый день! – произнес один из них – пониже ростом, коренастый, с пристальным взглядом холодных глаз. – Добро пожаловать в наш лагерь...

Подобного никто не ожидал, разве что двое-трое, из тех, кто ехал в автобусе с самого начала. Теперь стало понятным их спокойствие и уверенность: они знали куда и зачем едут. Кто-то из пассажиров позволил себе недовольные возгласы, но большинство молчало, ожидая продолжения.

-Прошу всех проследовать за этим человеком, - коренастый человек указал на своего соседа, молча стоявшего рядом. – Вам надо отдохнуть после утомительного пути... А потом мы продолжим нашу беседу...

Делать было нечего. Недавние пассажиры потянулись к выходу. А у гладкой бетонной стены гаража сидел на корточках их шофер и с наслаждением затягивался сигаретой. Он свое дело сделал, теперь можно и отдохнуть.

11

Он долго блуждал по саду, погруженный в невеселые размышления, не замечая, что за ним, как тени двигаются двое парней Фалиха.

Подойдя к воротам, он увидел, что два полицейских автобуса по-прежнему стоят посередине улицы, разбрасывая вокруг себя отблески непрерывно вращающихся мигалок. Автобусы были пусты. Двери распахнуты. Водителей его парни давно уже уволокли подалее в сад и пристрелили. Но один из водителей, прежде чем его вытащили из кабины, успел-таки прострелить живот одному боевику.

Он постоял в раздумье перед автобусами и, скорее почувствовав, чем услышав чье-то присутствие за спиной, сказал с раздражением и злостью:

-Сожгите эти автобусы к такой-то матери...

Не успел он еще дойти до отеля, как спокойный воздух всколыхнули два взрыва...

12

...После обеда и трехчасового отдыха в прохладных подземных казармах, их собрали в небольшом кабинете.

Вошел все тот же коренастый мужчина. Не здороваясь, не произнеся ни слова, он сел на ковер, подложив под руку пару подушек. Оглядел присутствующих. Опустил глаза и заговорил.

-Я понимаю ваше недоумение и знаю наперед все ваши вопросы. Где вы? Это тренировочный лагерь. Здесь мы обучаем воинов Аллаха, чтобы армия истинных правоверных, ведущая кровопролитную войну с неверными, постоянно пополнялась. Опытные инструкторы обучают всему: умению обращаться с любым оружием, рукопашному бою, подрывному делу...

Почему вы здесь? Мне известно, что все вы находились на лечении в госпитале. В каком, - знаете сами. Многие из вас потеряли семьи, близких, родных... По вашей земле ходит враг - коварный, злобный, сильный. Он губит тысячи жизней, чтобы утвердить свое владычество во всем мире. Поэтому я предлагаю вам вступить в борьбу с этим врагом. А чтобы его одолеть необходимо многое знать и уметь. Тот, кто готов не колеблясь ни секунды отдать свою жизнь за правое дело - пусть остается здесь. Если кто сомневается - пусть уходит. Мы никого не принуждаем. Машина отвезет вас до ближайшего города. Времени у нас немного, поэтому я могу дать на размышление ровно пять минут...

Оратор замолчал, неторопливо поднялся и вышел...

13

Он еще раз обошел весь сад и вернулся в холл. Здесь его подждал Фалих.

-Где ты шатаешься? - набросился он, словно и не было недавней стычки. - Сюда идут американцы, мы подслушали их переговоры... Два взвода спецназа будут здесь с минуты на минуту.

Апатию как рукой сняло. К нему опять вернулась способность думать и руководить. Ведь от него зависели жизни, по крайней мере, еще двух десятков человек.

-Все по местам! Убери из сада людей. Никто не должен показываться раньше времени. Пусть американцы сначала потанцуют вокруг наших музыкальных сюрпризов.

-Понял! - Фалих торопливо побежал в сад - нужно было уничтожить следы их присутствия. Только вот горящие автобусы никуда не денешь...

Подошел Найк – невозмутимый, холодный, с неизменным пулеметом.

-Расставь людей по этажам! – приказал он Найку. – И чтобы никто не высывался раньше сигнала... Понял?

-Понял... - тот меланхолично пожал плечами, взвалил на плечо пулемет и ушел.

-Танки! Танки идут...

Грохот и лязг железа приближался и нарастал со стороны города...

14

...Три долгих месяца обучения в лагере были заполнены бесконечной канонадой выстрелов и взрывов. Учили серьезно. Курсант должен был уметь обращаться с любым видом оружия, овладеть навыками рукопашного боя, подрывного дела, тактикой партизанской войны и т. п.

Инструкторы – мастера своего дела, не отличались, впрочем, особым тактом и человеческой чуткостью. Им дела не было до чувств и переживаний своих подопечных. Они просто выполняли свою работу, и работа их заключалась в том, чтобы научить этих людей остаться в живых при любых условиях.

Первое время его шокировали ругань, тычки, пинки и подзатыльники, которыми награждали инструкторы нерадивых курсантов. Шокировали его и подробнейшие инструкции, заключающие в себе всевозможные средства и способы умерщвления человека. Но привыкаешь ко всему. И он, как и десятки его товарищей, прежде не имевших понятия о военном деле, скоро освоился с окружающей обстановкой и даже преуспел кое в чем...

15

В быстро надвигавшихся сумерках залитый огнями отель притих и затаился. Только весело потрескивали языки пламени, охватившие со всех сторон, развороченные взрывами корпуса полицейских автобусов.

Лязг, грохот и натужное гудение танковых двигателей приближались – бронированные громады преодолевали крутой подъем, ведущий к отелю. Их песочно-желтые башни с длинными пушками неторопливо поворачивались то в одну, то

в другую сторону, словно приносиваясь к повисшей в воздухе опасности. Впереди танков ехал такой же, песочно-желтого цвета, «джип» с пулеметом. Подъезжая к отелю, он резко увеличил скорость, домчался до автостоянки, круто развернулся и понесся обратно, под защиту неумолимо надвигающихся стальных мастодонтов.

По «джипу» никто не стрелял. Было понятно, что это всего-навсего лишь трюк, прием, с помощью которого американцы хотели, чтобы противник выдал себя, обнаружил свои огневые точки.

Танки доползли до автостоянки, оставляя на асфальте рубчатый, блестящий след. Их башни снова зашевелились, и длинные пушки дружно повернулись в сторону отеля. Они то приподнимались, то опускались, выискивая, высматривая то враждебное, живое, затаившееся, во что можно всадить несколько десятков килограммов стали и взрывчатки.

-Чего они ждут? – встревожено шептал за его спиной Найк. Это относилось не к танкистам, затаившимся под двухсотмиллиметровой броней, прильнувшим к прицелам, а к товарищам - они, с гранатометами, пулеметами и снайперскими винтовками ждали команды в каких-нибудь ста метрах от врага.

Он внимательно следил за малейшим движением противника, водя биноклем. Ждал, что появятся еще танки, бронетранспортеры... Но больше никого не было. Тогда он приказал:

-Огонь!

В доли секунды его приказ пролетел по цепочке, связанной тоненькой нитью радиоволн, и бронированные машины содрогнулись от одновременного удара почти десятка гранатометов. Не спас их и толстый панцирь брони. Снаряды, выпущенные с такого смехотворного расстояния, прожигали сталь и взрывались внутри танков, вызвав одновременно и детонацию боезапаса.

-Давайте! – возбужденно заревел за его спиной Найк. – Жгите их!

Два огненно - красных столба пламени взметнулись над автостоянкой. Громко застучал пулемет. Это кто-то стрелял вслед удирающему «джипу». Потом все стихло...

Найк, внимательно следивший за бегством машины, сплюнул и выругался, отпустив в адрес пулеметчика несколько нелестных слов и выражений.

К концу второго месяца пребывания в лагере он узнал многое из того, что тщательно скрывалось от курсантов.

Например, он узнал, что лагерь поделен на несколько блоков, и курсантам одного блока строго-настрого запрещено общаться с курсантами из блока соседнего. Узнал он и то, что не всех курсантов готовят к войне с американцами. Кто-то из прошедших всю программу обучения отправлялся на Ближний Восток, кто-то в Африку, кто-то в Европу. И не все из них были патриотами, сражающимися за свободу своей родины. Были здесь и фанатики, и наемники – «солдаты удачи», и просто обманутые люди, преимущественно из бедных семей. Им внушали день за днем, что отдать жизнь во имя Аллаха – высшее призвание истинного правоверного. А чтобы укрепить веру и добиться полного, беспрекословного подчинения, в ход пускались разнообразные трюки и приемы. Будущих смертников подсаживали на наркотики, вдалбливали в помутившееся сознание законы шариата, сулили райскую жизнь тем, кто погибнет во имя Аллаха. В доказательство того, что райская жизнь существует там, за гробом, проделывали вот что. Полуграмотного, вечно голодного, забитого крестьянина усыпляли. Когда же он просыпался, то оказывался в райских кущах: его окружала небывалая роскошь, всевозможные яства, напитки. Красивые женщины служили ему для удовольствий. Прожив в таком «раю» несколько дней, а потом проснувшись в обычной обстановке лагеря, человек действительно верил в загробную жизнь и готов был на все, чтобы оказаться там снова.

Были в лагере и два женских блока. Об этом Али, вернее, не Али, а Ястреб (всем курсантам давали прозвища, дабы никто не смог вычислить их национальность и гражданство), узнал чисто случайно, познакомившись с Мухаммедом. Они столкнулись на складе, где Ястреб получал боеприпасы для своего отделения, а Мухаммед сдавал оружие и деньги, вернувшись после очередной командировки.

Кладовщика – юркого, вертлявого турка Аббаса, – зачем-то вызвали к начальнику лагеря, и график нарушился. И люди, которые не должны были даже знать о существовании друг друга встретились в узком прохладном коридоре напротив бронированной двери склада.

Мухаммед – молодой, лет двадцати пяти парень, со смазливой внешностью и кокетливыми усиками, – оказался вербовщиком. Разъезжая по странам Востока, он вербовал

девушек и женщин в возрасте от пятнадцати до тридцати лет. От него Ястреб и узнал, что в лагере имеются два женских блока, вход в которые разрешен только избранным. Но контингент и первого и второго блока предназначался для одного – для войны с неверными. Хотя методика обучения была разной.

В первый блок входили девушки, которым была уготована одна судьба – погибнуть от взрыва закрепленного на теле пояса, напичканного взрывчаткой. Их, этих девушек, было в блоке несколько десятков. И попали они в лагерь разными путями. Для этого и существовали вербовщики, которых делили на «волков» и «шакалов».

«Волки», вербуя очередную жертву, действовали решительно и напористо. Отыскав подходящую девушку, неважно из какой семьи, пускали в ход самые разнообразные и коварные приемы, чаще всего связанные с силой.

Так, например, девушка из хорошей семьи, внезапно узнавала, что имеются фотографии интимного характера, которые могут попасть в прессу. Другая, познакомившись с симпатичной компанией сверстников, уже через месяц плотно сидела на игле. Третья оказывалась жертвой группового изнасилования – молодые люди, переодетые в американскую военную форму несколько дней подвергали ее невыносимым истязаниям. Так, путем шантажа, насилия и вербовали своих подопечных «волки». Мухаммед говорил о них с презрением и высокомерием.

Себя же он причислял к «шакалам», и утверждал, что его методика работы сродни высокому искусству.

Оправляясь в командировку, напичканный деньгами, он начинал охоту за девушками преимущественно из бедных семей. В ход пускались все способы обольщения: дорогие подарки, рестораны, развлечения. И девушки из нищих, многодетных семей попадались на этот крючок. А потом он привозил их в лагерь...

Проходя обучение, девушки жили не на казарменном положении. У каждой была своя комната. Они сами готовили себе пищу, стирали, убирались. Некоторые жили с мужчинами из числа вербовщиков. Эта иллюзия семейной жизни только подогревала их фанатизм. Так поддерживалась их мечта о простом человеческом счастье. И отправляемые на задания, они – мечтающие о семейном очаге, детях, – были безжалостны к врагам, которые, как вдалбливали им, становились на их пути.

Мухаммед, бесстрастно рассказывавший все это, поведал,

что до недавнего времени жил сразу с двумя девушками – сестрами девятнадцати и семнадцати лет. Он нашел их на окраине Бейрута, когда после очередной бомбежки погибла вся их семья. Привез их сюда. Жил с ними, и они верили, что стали его законными женами. А месяц назад, когда он был в командировке, старшей сказали, что его, Мухаммеда, убили израильтяне; что долго пытали его перед смертью. Она поверила и поклялась отомстить. И отомстила – взорвала себя в кафе в Иерусалиме. Он остался с младшей. Но ненадолго. Ей скоро тоже отправляться на задание. А его уже ждет другая девушка – он привез ее из последней командировки.

Второй блок, продолжал повествование Мухаммед, предназначается для девушек иного склада. И специфика подготовки у них иная. Туда, во второй блок, отбирают самых красивых и привлекательных девушек и женщин. Помимо военной подготовки их обучают искусству обольщения. Их задача проникать в самые высокие круги, выведывать у высокопоставленных любовников секреты и передавать их своим хозяевам. Этим девушек обучают несколько женщин-инструкторов, профессионалов по части обольщения и всевозможных сексуальных извращений. Кстати сказать, именно девушки из второго блока, развлекают смертников мужчин, создавая иллюзию райской жизни и бесконечного наслаждения...

Заслышав шаги в коридоре, Мухаммед поднялся и отступил в тень. Их никто не должен видеть вместе, это закон. Нарушившему закон одно наказание – смерть.

Подошедший кладовщик, ничего не заметив, открыл дверь склада и стал выдавать Ястребу патроны и гранаты...

17

Потом была переброска домой с группой таких же, как он. Новые фальшивые документы, новая жизнь. Новое лицо... Он никак не мог привыкнуть к нему, поэтому даже пытался отращивать бороду. Но борода плохо росла, и пришлось ее сбрить. Шрамы на лице постепенно исчезли, и он полностью расстался с прошлым. Али не стало, остался только Ястреб.

А Мухаммеда убили. Он не вернулся из очередной командировки. И только позже, несколько недель спустя узнали, что его ударил ножом жених одной из его жертв. И никому не было дела до того, что у Мухаммеда остались мать и три сестры, что убийцу его казнили, а сама девушка уже давно на небесах, - она еще месяц назад взорвала себя на КПП в

Секторе Газа, покалечив несколько израильских солдат и двоих ливанских рабочих...

Протяжный крик оторвал его от воспоминаний. Он взглянул на Найка, который стоял у окна и осматривал окрестности в бинокль.

-Что там еще? – спросил он.

Найк пожал плечами.

-Там Фалих, - сказал он и снова прильнул к окулярам.

Коротко и сухо треснул выстрел. На лестнице послышались шаги. Спускались двое. Это был Фалих – на этот раз без маски. Взъерошенные волосы, мокрое от пота лицо... С ним был молодой парнишка. Его, кажется, звали Максуд. Он запомнил его по одной из операций. Лицо у парнишки было совсем зеленое. Губы дрожали.

-Что там? – спросил он.

Фалих не ответил. Быстрыми шагами пересек холл, направляясь к стойке, где Найк оставил бутылку бренди. Взял бутылку и, запрокинув голову, сделал несколько крупных глотков. Передал бутылку парнишке:

-Пей...

Тот взял бутылку, глотнул, поперхнулся и закашлялся.

-Кто стрелял? – уже строже спросил он.

-Я... - Фалих с отсутствующим видом, достал пистолет, вынул обойму, зачем-то повертел ее в руках и вставил обратно.

Найк, опустив бинокль, с интересом следил за этой немногословной дуэлью.

-Что случилось?

Фалих прошелся, засунув руки в карманы, потом резко обернулся к нему, подошел вплотную, дыша прямо в лицо.

-Горничную изнасиловали на втором этаже... Вот, его напарник, - короткий кивок в сторону перепуганного парнишки. Тот стоял, опустив руки, переводя затравленный взгляд с одного на другого.

-Схватили ее в коридоре, затащили в номер... - с бешенством рассказывал Фалих. - Пока один насиловал, этот караулил в коридоре... Ждал своей очереди, мерзавец! – он без размаха ударил парнишку по лицу

- Когда я услышал крик, все было кончено... Они закрыли ей лицо подушкой, чтобы не кричала, а она задохнулась... Не сдержался я, того пристрелил, а этот, вот он...

Найк выругался. Ему, старому солдату, побывавшему на стольких войнах, убившему не один десяток людей, стало омерзительно тошно. Да, он убивал и убивает, потому что ничего другого делать не умеет, но так... У него самого дома жена и четверо детей. Старшей дочери уже шестнадцать. А если она попадет в руки таких вот...

-У тебя есть семья? - спросил он у парнишки.

-Что? - переспросил тот, едва шевеля пересохшими губами.

-Семья у тебя есть? Ну, отец, мать, братья, сестры?

-Есть...

-Так вот... Завтра с тобой поедут пять человек... Пять! Они пристрелят твоего отца и братьев. А мать и сестер изнасилуют, а потом продадут в публичный дом... - Он говорил лишнее. Но делал это сознательно. Ему хотелось, чтобы парнишка бросился на него, и тогда он пристрелил бы его, пристрелил без всякого сожаления и угрызений совести, и к тому же это стало бы оправданием перед Алексеем. Но тот не тронулся с места. Только задышал чаще, с всхлипами.

-Убирайся отсюда! - брезгливо приказал он. - А то я тебя прикончу... Фалих, заberi у него автомат...

Фалих сдернул с плеча парнишки оружие и бросил в угол.

-Пусть убирается отсюда... Найк, проводи его до ворот...

Найк лениво поднялся и, подталкивая парнишку в спину, повел к выходу.

Он и Фалих сидели друг против друга, глядя в пол, когда снаружи донеслась короткая пулеметная очередь...

Вошел Найк, поставил пулемет у стены, и снова взялся за бинокль...

18

Перестрелки, налеты на конвои, на полицейские участки, нападения на патрули... Эта новая жизнь закрутила его в своем водовороте, не оставляя времени для воспоминаний,

переживаний, сожалений и угрызений совести. Шла война. И выживал тот, кто загонял свои чувства глубоко-глубоко.

Он уже забыл, или делал вид, что забыл Лейли. Попытался обмануть себя. И это до поры до времени удавалось, если бы не тот случай...

Они ждали американский конвой. Ждали двое суток. Прямо в центре города. Ночью закладывали фугасы, минировали дорогу, а днем отдыхали и отсыпались в садах, в подвалах домов. Именно тогда в его группу пришел Алексей. Это была их первая совместная операция.

Этот высокий светловолосый парень, попал в их страну по линии ООН. Был взят в заложники, и остался. Прошел все мыслимые и немыслимые испытания, прежде чем ему поверили и стали доверять самые ответственные задания.

... Они лежали рядом под деревом через оптику изучали улицу, по которой должен был пройти конвой. Пять минут назад наблюдатели сообщили, что конвой покинул американскую базу и следует в аэропорт. Алексей отложил бинокль, стал осматривать свой автомат. Неподалеку возился Найк, умудрившийся запастись тройным запасом патронов и гранат. Фалих, ворча и ругаясь, в который раз проверял фугасы. Он заложил по обочинам дороги почти полтонны взрывчатки и теперь волновался, как бы не стряслось чего: совсем недавно двое из его группы, закладывая фугас, сами же на нем и подорвались.

Наблюдатели сообщили: конвой в четырех кварталах от засады.

-Давай, на ту сторону! – Алексей отобрал у него бинокль.

На той стороне улицы в заброшенном саду засели боевики, человек десять. В их задачу входило уничтожить американцев с тыла, когда они вступят в бой с основной засадой и станут прятаться за технику. Заодно и не дадут американцам разбежаться. Он взял автомат и поднялся. В таких делах лучше подчиняться Алексею – у него настоящий талант по устройению всяческих засад, ловушек и прочих пакостей, которых так боятся американцы.

Он торопливо пересек улицу. Уже слышалось гудение двигателей. Уже доносился отчетливо различимый стрекот вертолетов – конвой прикрывали и с воздуха. Конвой приближался...

Перебравшись через каменную ограду, он огляделся и сразу же увидел своих. Парни уютно расположились между деревьями и с самыми серьезными лицами следили за приближающимся врагом. Громкий крик, донесшийся из деревянной будки в глубине сада, заставил его оглянуться.

-Максуд, - бросил один из парней, - иди и заткни ей глотку...

-Что там у вас? - спросил он, следя за тем, как молодой парнишка лет шестнадцати, отложив гранатомет, направился к строению.

-Да девчонка одна, - ответил кто-то, повышая голос - грохот техники и шум вертолетов почти заглушал слова. - Выскочила сюда, встала прямо перед нами и прогуливается... Мы ей говорим: пошла отсюда! А она: я жениха жду... Пришлось запереть ее здесь, чтобы не выдала. Как все закончится - отпустим... А это еще кто?

Новенькая «тойота» остановилась у тротуара. Видно было, как водитель приоткрыл окно и закурил. Потом вышел из машины и стал прогуливаться, изредка поглядывая на приближающийся конвой. С головной машины ему уже махали: уйди с дороги!

Из будки опять раздался пронзительный вопль, который, по-видимому, был услышан неожиданным свидетелем. Он встrepенулcя и решительно направился к саду.

-Этого еще не хватало! - выругался он. А между тем головная машина уже выкатилась на одну линию с засадой...

Страшный грохот сотряс воздух. На секунду показалось, что вся улица и ползущая по ней техника оказались в подвешенном состоянии. «Джип», обгонявший колонну и напоротившийся на фугас, взлетел высоко над землей и несколько мгновений крутился в воздухе, пылая и разваливаясь на куски. Вертолеты кружились над конвоем, но ничего не могли поделать - под шатром пышной зелени им ничего не было видно. Ничего не видели и они, сидящие в засаде по другую сторону улицы. Дым и пыль закрыли обзор непроницаемой пеленой. Но там, за этой стеной, началась ожесточенная перестрелка, в которую вмешались пушки и крупнокалиберные пулеметы конвоя.

И, едва только пыль немного рассеялась, он приказал:

-Огонь!

И вовремя - американцы уже начали приходить в себя от неожиданности, и теперь оказывали все более и более яростное

сопротивление.

Удар в спину был для них настолько ошеломительным, что многие солдаты стали попросту разбегаться.

-Где она?! – он чуть не упал от сильного толчка в спину. Молодой человек, в котором он тут же узнал водителя «тойоты», стоял перед ним, сжав кулаки. – Где она? Я слышал ее голос!

У него хватило еще сил, чтобы с ходу не пристрелить этого идиота.

-Чего тебе нужно?

-Где моя девушка? – снова закричал парень, стараясь перекрыть стрельбу. – Я слышал ее голос, это она кричала... Я буду жаловаться!

Как это не странно, но реплику о жалобе услышали все, и все тут же дружно расхохотались. Действительно, смешно! Жаловаться на войну? Да ведь это все равно, что жаловаться на пожар, наводнение или землетрясение!

-Отдайте ему девчонку! – приказал он.

Максуд опять побежал к строению в глубине сада...

А конвой все еще сопротивлялся. И теперь в дело вмешались и два вертолета. Видимо, их наводили на цели по рации с земли, потому что они с поразительной, просто-таки удивительной точностью раз за разом накрывали позиции боевиков в старом городском парке.

И тут он увидел, кто наводит вертолеты. Двое американцев, прячась за ту самую «тойоту», вели наблюдение за огневыми точками боевиков, ориентируясь по вспышкам выстрелов, мелькавшим то тут, то там. Один смотрел в бинокль, а второй то и дело хватался за рацию, сообщая стремительным винтокрылым машинам координаты очередной цели. Чтобы летчики не сбились, координаты цели дублировались ракетами. Яркие шарики вылетали из-за сверкающего полировкой кузова машины и падали там, за дорогой. А через мгновение место падения ракеты перепыхивалось серией взрывов...

-Вот гады! – пробормотал он, с досады хлопнув рукой по прикладу автомата.

Другие боевики тоже прекратили стрельбу и тоже смотрели в ту же сторону, что и он. Все понимали, что продлись такое положение вещей еще несколько минут, и там, в парке, не останется ни единой живой души.

Снова взлетел огненный шарик и, пролетев по крутой дуге, упал, разбрасывая искры, совсем рядом с тем местом, где стоял пулемет Найка. И две «стрекозы», развернувшись, пошли на очередной заход...

Как быть? Он беспомощно оглянулся. Парни вопросительно смотрели на него. Лица их были полны хмурого ожидания.

-Сожгите эту машину к черту! – приказал он, поджимая губы.

-Мою машину?!

Все дружно обернулись - водитель «тойоты» стоял позади них, обнимая за плечи девушку, и лицо его выражало негодование.

-Сжечь мою машину? Вы с ума сошли? Воюйте сколько хотите, но мою машину не трогайте! Вы знаете, кто я?

Максуд с изумлением пялился на разбушевавшегося молодого человека. Ненормальный он, что ли? Ведь стоит Ястребу сказать только слово, и парни взорвут не только машину, но перед взрывом и этого чокнутого вместе с девчонкой запихнут туда же!

-Заткнись! – рявкнул высокий, обросший черной клочковатой бородой курд. – А то сейчас сам пойдешь и взорвешь свою машину...

-Кто? Я? – молодой человек позволил себе лишнее – он насмешливо и снисходительно улыбнулся. – Я еще не выжил из ума...

-Пойдешь, - мрачно пообещал бородач, - а девчонка пока останется у нас...

Улыбка превосходства стала сползать с внезапно побелевшего лица, тонкие усики, закрученные вверх, поникли и обвисли.

-Сжечь машину! – приказал он, чтобы прекратить эту, не ко времени открывшуюся дискуссию.

И через минуту ослепительно белая машина взлетела на воздух...

Он позволил себе оглянуться, чтобы посмотреть в лицо этому самоуверенному дураку. Машина, видите ли, у него... Девушка... А другие пускай воют, пусть калечат друг друга...

Он оглянулся, и то, что он увидел, вызвало в нем очередной приступ смеха. Молодой человек схватил брошенный кем-то автомат и, отталкивая вцепившуюся в него девушку,

пытался выстрелить. И не в кого-то, а именно в него, в главного виновника несчастья, случившегося с его автомобилем.

-С предохранителя сними, а то не выстрелит! – смеясь, посоветовал он, наблюдая за тем, как неумело держит молодой человек автомат, как дрожат эти сильные руки, украшенные перстнем и часами на золотой браслетке. Палец судорожно нажимал на спусковой крючок, но автомат безмолвствовал.

-Не надо! – умоляла его девушка. – Не надо! Они убьют нас!

-Не посмеют! – хрипел молодой человек. Его глаза налились кровью. Лицо исказила гримаса. – Пусть не думают, что я их боюсь! Пусть не думают...

Поняв, наконец, что с автоматом ему не справиться, парень схватил оружие за ствол и размахнулся, намереваясь прикладом разозжить голову обидчику. Но раздался одиночный выстрел, и он, выронив автомат, упал к ногам завизжавшей от ужаса девушки.

Он посмотрел в ту сторону, откуда прилетела пуля. У ограды стоял Алексей.

-Хватит играть! – сердито бросил он. – А если бы он тебя ударил? Все шуточки шутишь? Собирайтесь, уходим... А то сейчас спохватятся...

И, еще раз равнодушно взглянув на убитого, он наклонился, подобрал автомат и повесил его на плечо.

-Уходим...

И они ушли. А он напоследок оглянулся на плачущую на убитым девушку и почему-то вспомнил о Лейли. Стала бы она плакать над ним? Наверное, нет...

19

Темнело. В саду отеля зажгли фонари освещения, и они – красные, желтые, зеленые, фиолетовые – засветились, разбрасывая мягкий, уютный свет на дорожки, ажурные скамейки и беседки, на цветники...

Напряжение не спадало. Власти – ни местные, ни американские, – не давали о себе знать. После гибели полицейских, после гибели двух танков как будто все вымерло там, у подножья холма, где затаился город, почти полностью погруженный во мрак. И только захваченный отель сиял огнями,

как символ, как вызов всем темным силам, которые были сконцентрированы в долине.

Напряжение не спадало. Ведь по плану, когда просчитывали все возможные пути эвакуации, исходили из того, что отель будет полностью блокирован. Но ничего подобного не случилось. А попытки властей захватить отель малыми силами были похожи на отвлекающий маневр, словно, их, тех, кто находился в захваченном здании, усыпляли, успокаивали: да, вы сильные, вы смелые, и мы с вами ничего сделать не можем...

До эвакуации оставалось около трех часов. Только три часа, и группы прикрытия займут исходные позиции, чтобы ударить в спину войскам, блокирующим отель.

А стоит ли? Зачем заваривать такую кашу, когда есть возможность уйти спокойно, не привлекая внимания? Он думал над этим, склонившись над планом отеля. Рядом сидел Найк. Время от времени он неторопливо поднимался, подходил к окну, обозревал окрестности и возвращался на место. Он, подумав еще немного, решился и позвонил. В голосе, который ответил ему, не было и тени тревоги – там хорошо знали, как идут дела. Зато появились нотки удивления, когда он сообщил, что его группа в прикрытии не нуждается и выйдет своими силами. Коротко объяснив ситуацию, он положил трубку. К чему подробности?

Удивился услышанному и Найк. Он даже перестал протирать свой пулемет и уставился на него расширенными глазами.

-Ну, чего? – недовольно спросил он.

Найк усмехнулся и покачал головой.

-Что смешного? – настаивал он.

-Знаешь что, – неторопливо ответил негр, – брось ты это дело. Война не для тебя! Ты не знаешь, что это такое... Погоди, не перебивай! Это же просто смешно. За три часа до эвакуации ты объявляешь, что помощи тебе не надо. А вдруг все изменится? Что тогда? Нас ведь здесь просто перебьют! Моли Аллаха, чтобы ребята не узнали о твоём разговоре. Они ведь надеются на помощь. И еще... – Найк снова встал, подошел к окну и, убедившись, что все в порядке, вернулся обратно. – Хочешь знать, почему ты не годишься для войны? Эмоции! Слишком много эмоций! Вот Фалих – настоящий воин, а ты – нет. Ты и от помощи отказался, чтобы попытаться доказать, что тоже чего-то стоишь. А в военном смысле ты не стоишь ни черта... Все, что мы здесь делали, мы делали по плану, который

разработан опытными людьми. А как только появляется какая-то нестандартная ситуация – ты теряешься. Начинаешь спорить, угрожать, обижаться... Война не признает эмоций. Кто поддался чувству – проиграл, или, хуже того, погиб. Запомни это...

Найк встал, взвалил пулемет на плечо и вышел. А он остался. И трудно ему было понять, почему же так недоволен Найк его инициативой. Ведь вокруг все спокойно. Часа через полтора они погрузятся в машины и уедут. Но все же было беспокойно на душе. Найк – опытный солдат. И никто никогда не видел, чтобы он беспокоился или волновался по пустякам. Ему, новичку, трудно было понять логику Найка, да и вообще всех старых солдат. Одно дело, когда знаешь, что отступить некуда, необходимо либо победить, либо умереть. Другое – когда знаешь, что всегда есть выход, что тебя прикроют, о тебе помнят, тебя не забыли... Он же отсек напрочь эту единственную, гарантированную возможность выйти отсюда живыми. Видимо прав Найк: он не рожден для войны...

20

...В родной город Алексея они прилетели глубокой ночью. Быстро прошли таможенный досмотр, благо, что документы и визы у них были в порядке. Вышли из здания аэровокзала. И к ним тут же кинулись несколько таксистов, признав в них иностранцев. И каждый из них жестами, мимикой, несколькими коряво выученными английскими словами зазывал клиентов к себе.

-Сколько? – спросил Алексей по-английски.

-Тридцать! Тридцать! – услужливо зашепел пожилой, смуглый таксист.

-Всего тридцать долларов? – удивился он, оборачиваясь к Алексею.

-Погоди! – усмехнулся тот, и заговорил с таксистом на своем языке. Таксист при первых же звуках отшатнулся. Его лицо выражало теперь глубочайшее разочарование. Потом он согласно кивнул и с видимой неохотой направился к автостоянке.

-Вот так! – с усмешкой произнес Алексей, не скрывая удовлетворения.

-Ты о чем?

-О жизни! Никак не меньше. Проезд до города, до

центра на такси ночью стоит тридцать тысяч в местной валюте, но никак не в долларах. За пятьдесят долларов можно проехать всю страну с запада на восток, так что будь осторожен... Погоди минутку... - Оставив его около багажа, Алексей куда-то исчез и снова появился. Остановился под фонарем, пересчитывая деньги. Подошел к нему. Протянул ему несколько бумажек.

-Это наши деньги...

Он с любопытством повертел зеленовато - серые купюры, на которых было изображено чье-то лицо.

-А это кто?

Алексей рассмеялся:

-Это наш президент... Правда, даже деньги похожи на ваши?

-Правда...

Со скрипом подъехала машина. Они сели в нее.

-В отель, - сказал Алексей водителю.

Тот обернулся к ним и с недоумением что-то спросил. Алексей заколебался. Таксист настаивал. Алексей рассмеялся и согласился. Машина тронулась.

-Ты чего? - спросил он, заметив улыбку на лице друга.

-Ничего, - отмахнулся Алексей. - Понимаешь, я сказал ему: в отель! А отелей-то у нас - куча... За городом целый гостиничный комплекс. А он стал мне расписывать преимущества отелей в центре. Мол, и транспорт рядом, и рынки, магазины, девочки...

-Кто?

-Девочки... Ну, проститутки. В отелях собираются самые дорогие проститутки, поджидают богатых клиентов, как, впрочем, и везде...

Алексей замолчал. Молчал и он, разглядывая мелькающий за окном город.

На столбах, домах - разноцветные флаги. Огромные плакаты со знакомыми уже портретами президента. Гирлянды лампочек.

-У вас какой-нибудь праздник? - нарушил он молчание.

-Да, - неохотно ответил Алексей. - Завтра у нас день независимости...

-От кого?

-От самих себя. Как у нас говорят, с этого дня от нас больше ничего не зависит... А вообще, все эти плакаты, тряпочки и лоскутки практически никогда не снимают. Вон на нем написано: с праздником! А праздников у нас много... Так и висят круглый год...

-А домой не хочешь попасть? – осторожно спросил он. Знал, что у Алексея есть жена и ребенок двух лет. Они здесь, а он там...

-Хотелось бы, конечно... Но не стоит. Я ведь... Ну, как я покажусь дома, если меня нет? Если я погиб?

-Как погиб? – недоверчиво засмеялся он.

-А ты что, ничего не знаешь? – с подозрением глянул на него Алексей.

-Откуда же...

-Когда я попал к вам с ооновцами... Вернее, когда попал в заложники и решил остаться, меня проверяли и перепроверяли. Потом, после нескольких операций, решили сделать так, чтобы все забыли о моем существовании... Организовали налет на патруль и отошли, оставив пару трупов каких-то бедолаг. Трупы были обезображены. У одного из них нашли мой паспорт. Вот тогда-то американцы и подняли шум. Мол, против них воюют наемники из нашей страны... Мои фотографии показывали по телевидению. Допрашивали жену, родственников, знакомых... Американцы уже до этого знали кое-что обо мне. Атаки на корабли, на авианосец... Поэтому и решено было сделать так, чтобы меня не стало...

-А почему ты все-таки с нами? – решился спросить он.

-Почему? – Алексей помолчал, потом ткнул пальцем в окно. – Видишь, все как у вас. Как было у вас до войны! Так будет и у нас... Если, конечно...

Он замолчал и до самого отеля больше не произнес ни слова...

21

Услышав шаги, решив, что это возвращается Найк, он не переменял позы, а только стер с лица тень задумчивости и тревоги, чтобы не показать, как задела его слова, и надел маску спокойствия и даже безмятежности.

Вошел Фалих. Мрачно, не глядя на него, сообщил:

-Со стороны города приближается колонна машин... Только «джипы», танков и бронетранспортеров нет. Летят на максимальной скорости.

Он даже вздрогнул. Опять ошибка! Опять прав не он, а кто-то другой. На секунду растерялся, но усилием воли взял себя в руки.

-Всем приготовиться! Как только появятся перед отелем - уничтожить...

-Не советую...

Ему показалось, что по лицу Фалиха скользнула саркастическая улыбка. И он удивленно воззрился на него.

-Скорее всего, это отвлекающий маневр. Где ты видел, чтобы американцы шли на штурм вот так, без подготовки, без прикрытия с воздуха? Скорее всего, они что-то задумали... Может, рассчитывают, что пока мы будем возиться с машинами, бросив на колонну все силы, ударить с другой стороны? Или с воздуха?

Он задумался. Фалих прав. Что-то непохоже, чтобы американцы бросились на отель очертя голову. Но что же делать? Что предпринять?

-С колонной справится группа прикрытия! - направил его на нужный ход мыслей Фалих. - Все подходы заминированы. Остальным лучше занять позиции внутри здания. Скорее всего, будут штурмовать через сад и окна первого этажа и с крыши. Мы же расставим людей на втором и четвертом этажах.

-А подвал?

Там же есть пара человек... Думаю, сразу в подвал они не полезут. Не до этого им будет...

-Ладно, - неохотно согласился он, - так и сделаем... Да, - снова спохватился он, - а заложники? Американцы же их всех перебьют...

-Может, и перебьют, - тоже неохотно согласился Фалих. - А как быть?

-Сделаем так, - помолчав, предложил он. - Пока не начался штурм, выводим всех заложников через служебный ход к гаражам. Рассаживаем их по машинам и отправляем. Вместе с ними поедут и наши люди. Здесь останусь я и трое из твоей группы. Группа прикрытия наносит удар по колонне и уходит к месту эвакуации. Мы приводим в действие все взрыватели и тоже уходим... Что скажешь?

-Можно и так, - медленно, словно нехотя, признал Фалих.
- Только с одним я не согласен: почему остаешься ты? Почему не я? Почему не Найк?

-Так будет лучше, - уклончиво ответил он. - И потом, я приказываю! Еще что-то?

-Нет, - хмуро ответил Фалих. - Я могу идти?

-Иди...

22

...Они ждали приказа приступить к операции на окраине города, в заброшенном особняке чиновника из городской администрации. Сам хозяин бежал в столицу. Соседям сказали, что особняк занят под жилье для беженцев. Впрочем, никто и не интересовался, кто живет здесь.

Боевики торопливо уничтожали следы своего пребывания здесь. Все знали, что по завершении операции они сюда уже не вернуться – слишком опасно. Американцы и полиция начнут повальные облавы и обыски. Зачем же рисковать?

Под покровом ночи из особняка вывозили оружие, боеприпасы, продукты и медикаменты. Вместо этой перевалочной базы было решено организовать целых три. Их расположение знали лишь несколько человек. Туда-то и перевозили все имущество. Отдельно увезли и деньги. Их увезли в неизвестном направлении на бронированной спецмашине, позаимствованной у Национального банка. Но ничего страшного. Утром машина будет стоять на своем месте в боксе номер шесть.

Отдельно же готовили и три микроавтобуса для нападения на отель. А вообще, сутолока в особняке была невообразимая. Здесь были и подрывники из группы Фалиха, и наемники, и пять девушек-смертниц, которые сидели у стены в отведенной для них комнате, прерывая молчаливое ожидание для молитв и приема пищи.

Наемниками командовал одноглазый араб, называвший себя Хусейном, хотя поговаривали, что зовут его совсем иначе, и никакой он не араб, а европеец. Его группа занимала весь второй этаж и производила столько шума, что не раз и не два приходилось успокаивать разбушевавшихся наемников, накачивавшихся алкоголем и наркотиками, а потом начинавших выяснять отношения. В эту же группу входили и две женщины – снайпера. Они держались особняком, и большую часть времени занимались разборкой и чисткой оружия.

Когда в особняк приехал он, уже смеркалось. До начала операции оставалось около суток.

Алексея он застал на третьем этаже, за столом, на котором был разложен подробнейший план отеля. Вооружившись карандашом, он делал какие-то едва видимые пометки.

-Все готово? – спросил он, входя.

-Готово, – кивнул Алексей. – Взрывчатку привезли. Фалих сейчас занимается погрузкой...

-Хорошо...

-Группа прикрытия будет на исходных позициях через восемь часов...

-Не рановато ли?

-В самый раз. Днем к отелю так просто не подойдешь – обязательно заметят...

За стеной послышалась грубая, сочная брань. Что-то громынуло. Потом через тонкую стену стали доноситься совсем иные звуки, похожие на стоны...

-Хусейн, – усмехнулся Алексей, поймав его вопросительный взгляд. – Развлекается...

-Он, что, приволок сюда шлюх?

-Какие шлюхи! У него в группе семь девчонок. Снайперов он трогать боится – могут и пристрелить. А со смертницами не церемонится... А им, похоже, уже все равно. А тут еще наркотики, виски... – Алексей махнул рукой. – Терпеть не могу таких вот подонков...

На втором этаже поднялся шум.

-Это еще что?

-А там его группа развлекается... Стараются не отставать...

-Они поднимают на ноги весь квартал!

К громким крикам и зычному хохоту, совсем уже не по делу раздались выстрелы.

-Уроды! – Алексей бросил карандаш и направился к двери. Он поспешил за ним.

На этаже царил вакханалия. Перепившиеся наемники, одурманенные наркотиками, бродили по комнатам, держа оружие на боевом взводе. Двое тащили за волосы куда-то

одну из девушек. Она даже не сопротивлялась. Глаза ее были полужакрыты. Платье на ней было разорвано...

Алексей, проходя мимо, отшвырнул в сторону одного, ударом в челюсть выбросил из коридора второго. Рывком поднял девушку и усадил, прислонив спиной к стене.

-Вот и воюй с ними, - зло бросил он.

В самой большой комнате толпились пятеро наемников. Вдоль стен стояли на коленях, положив руки на головы человек пятнадцать американцев, одетых в лохмотья, грязных, обросших. Среди них было и несколько женщин. Они забились в угол и старались обрывками одежды прикрыть свою наготу от жадных, похотливых взглядов хохочущих бородачей.

Заметив вошедших, пленные уставились на них с выражением надежды и страха.

Наемники же ничего не видели. Им доставляло огромное удовольствие глумиться над беспомощными жертвами.

-Что, американские собаки? Боятесь? Страшно? А зачем вы пришли сюда? Вот сейчас мы приготовим подарок для вашего президента... Несите камеру... Начнем съемки, и пускай ваш Голливуд нам завидует... Для начала мы отрежем каждому из вас по одному уху и одному пальцу... Их мы специальной посылкой отправим в Белый дом! Девочкам же предоставляется отличная возможность стать порнозвездами... Для начала они снимутся с нами, а потом со всеми желающими... Давайте, красавицы, не стесняйтесь! Кассеты с вашим участием будут нарасхват. Особенно они понравятся вашим семьям... Пусть порадуются...

-Прекратить! - громко приказал Алексей.

Наемники повернули головы, усмехнулись и снова принялись за свое.

-Я сказал: прекратить! - громче повторил Алексей.

-Пошел бы ты...

-Что?!

-Эй ты, русский!

Они оба обернулись - в дверях стоял Хусейн. Правый глаз прикрывала черная повязка. Левый сверкал яростью.

-Ты чего здесь командуешь? Это мои люди! Ими могу командовать только я! Они будут слушаться только моих приказов. А теперь убирайтесь отсюда... А вы, ребята,

развлекайтесь... - снисходительно разрешил он своим. – Можете немного помять американских курочек – это им пойдет только на пользу... А то они уже засиделись, давно не испытывали настоящей мужской любви...

Наемники расхохотались, брызжа слюной. Алексей побледнел и потянулся за пистолетом.

-Только попробуй! – предупредил его Хусейн. – От тебя мокрое место останется...

Он медленно вытащил из-за пояса пистолет, повертел его в руках, подбросил, поймал.

-Хорошая игрушечка, а русский? Представляешь, какую дырку она просверлит в твоём черепе? Ну, - Хусейн навел пистолет на них, - пошли отсюда... Быстро!

Тут он внезапно глубоко, с надрывом вздохнул и мешком осел на загаженный пол. В дверном проеме появился Фалих, невозмутимо пряча в ножны десантный нож.

Наемники ошарашено смотрели на тело своего предводителя. На одного даже напала икота.

-Вон отсюда! – тихо произнес Фалих. И наемники почти на цыпочках поспешили к выходу. Что-то страшное, темное прочли они в глазах Фалиха, что разом протрезвило их и вернуло к жизни инстинкт самосохранения. Они хотели жить, эти скоты...

В комнате воцарилось молчание. Алексей, тяжело дыша, смотрел на труп Хусейна и тело его сотрясало волнами отвращения.

-Их надо убрать отсюда! – сказал он, обращаясь к Фалиху, имея в виду пленных, испуганно жавшихся к стене.

-Уберем! – кивнул Фалих. – Приказано отпустить их... Вывезем их за город и отпустим...

-Тогда сделай это сейчас, пока эти ублюдки опять за них не взялись...

-Сейчас подгоним машину... - Фалих вышел.

Алексей справился с дурнотой и шагнул к нему.

-Мы отпускаем их, без дураков?

-Конечно, - он пожал плечами и позволил себе улыбнуться.
- Я не палач, Леша...

Алексей успокоено кивнул. А он, чувствуя странное беспокойство, еще раз оглядел комнату. Пленные сбились в кучу и взволнованно

слушали, что говорил им Алексей. Кое у кого из них вырвался вздох облегчения, но большинство настороженно молчало. Пережитые мучения мешали им поверить в такое счастье.

И тут он понял, что беспокоило его. Из-за спины высокого светлородого американца выглядывало до странности знакомое лицо. Зеленые глаза на бледном измученном фоне лица горели неумной радостью.

-Надо переодеть их, - сказал ему Алексей. - Как они пойдут в таких лохмотьях?

-Сам же знаешь, что все уже вывезли, - с неудовольствием ответил он. - Посмотри внизу... Одень хотя бы женщин... Да, и накормите их, пока есть время...

Говоря это, он заметил, что Алексей с облегчением вздохнул.

Вошел Фалих с тремя автоматчиками.

-Машина готова...

-Тогда ведите их вниз, - он кивнул и посторонился.

Алексей сказал что-то пленным, и они радостно зашумели. Потянулись к выходу. Раненых и обессиленных поддерживали под руки. Он отвернулся. И почти тотчас почувствовал прикосновение к руке. Перед ним стояла та девушка, которая пряталась за спину светлородого американца; та девушка, которую когда-то он спас в школе; это была Кэтти...

Девушка улыбалась и не собиралась отпускать его руку, хотя кое-кто из американцев удивленно пялился на эту сцену, а Алексей превратился в каменного истукана.

-Здравствуй! - сказала она, радостно. - Ты, значит, уже не просто учитель?

-Нет, - ответил он скованно, испытывая неловкость.

-А я тебя сразу узнала, хотя ты и изменился... Что у тебя с лицом?

-Был ранен, - сухо ответил он. - А ты как сюда попала? Я думал, ты уже давно в Штатах...

-Как видишь, не доехала... - помрачнев, ответила она. - Нас захватили прямо возле госпиталя... Одних убили, других забрали...

-Давай отойдем в сторонку, - предложил он, видя, что их встреча мешает Алексею выполнить его задание - пленные остановились, поджидая Кэтти, не желая оставлять ее одну.

-Отойдем! – легко и весело согласилась она. И, как только они отошли к окну, порывисто обняла его и поцеловала. Зеленые глаза, которые тогда, в школе, показались ему темно-карими, лучились счастьем. И он никак не мог понять, что могло вызвать в ней такое оживление, такую радость. А поцелуй ошеломил его настолько, что он вообще на какое-то время потерял способность говорить.

-Спасибо тебе за все, за все! – заговорила она торопливо и горячо. – Ты второй раз спасаешь меня... Я этого никогда не забуду... Знаешь, я только сейчас вспомнила... У нас дома, жила одна женщина... Когда-то давным-давно она сказала мне, что у меня... что... что у меня есть ангел-хранитель... что я обязательно встречу его... И вот, я тебя встретила...

Он молча смотрел на нее и поражался ее смелости. Говорить такие слова человеку, которого видишь второй раз в жизни! Поцеловать его! И это у всех на глазах... А тут еще Алексей. Стоит и улыбается! Нет бы делом заняться...

А она говорила, говорила без конца, похоже, даже не слыша саму себя.

-Знаешь, когда ты отправил меня в госпиталь, ты мне каждую ночь снился, я просыпалась и плакала... Мне казалось, что мы никогда больше не увидимся. Ты обязательно должен побывать у меня дома, в Штатах... Мои родители примут тебя как самого дорогого гостя. Они знают тебя по моим письмам, хотя не знают, как тебя зовут... И я не знаю, - она вопросительно взглянула на него. – Так как же тебя зовут?

-Ястреб, - коротко ответил он, глядя ей в глаза.

-Странное имя! Тебя так родители называли? А они живы? А братья и сестры у тебя есть? У вас ведь принято, чтобы в семье было много детей...

Она говорила безумолку, даже не требуя ответа. Видимо, ей очень многое нужно было ему сказать.

-Ястреб! – они обернулись. Алексея в комнате уже не было. На пороге стоял Фалих. – Все готово. Можно отправлять... Он посмотрел на нее и заметил, как испуганно расширились ее глаза.

-Что, уже пора? – как бы не веря, спросила она.

Он медленно кивнул. Она опустила голову, размышляя над чем-то, потом оживилась и весело объявила:

-Решено, я никуда не еду! Я остаюсь здесь, с тобой!

Фалих от неожиданности раскрыл рот и забыл его закрыть.

-Тебе надо ехать, - мягко произнес он. - Оставаться здесь опасно...

-Я остаюсь здесь! - сердито, с вызовом повторила она. - И никто не сможет меня заставить... Я остаюсь с тобой!

Он растерянно взглянул на Фалиха, который захлопнул рот и устремил глаза к потолку.

-Я остаюсь здесь! Вам понятно?

-Нет, - решительно ответил он. - Ты поедешь домой...

-Но почему, почему?

-Потому что идет война! Потому что твоя страна напала на мою!

-А мы подождем, когда война закончится, - совсем уже наивно произнесла она. - Я подожду... Где-нибудь здесь, с вами... Ну, неужели тебе не понятно, что я люблю тебя?! - вдруг громко, с отчаянием закричала она.

Фалих поспешно развернулся и исчез за дверью.

-Пойми, - он осторожно взял ее за руку, - тебе нельзя оставаться здесь. Тебе нельзя оставаться со мной. Мало ли что может случиться? Тем более, что мы сегодня отсюда уезжаем... Нам предстоит небольшая командировка...

-Это опасно? - тихо спросила она.

-Нет, не очень. Но всякое может случиться... Поэтому ты должна ехать. А когда война закончится, когда закончится все это - я тебя найду...

-Правда? - недоверчиво спросила она.

-Конечно, правда! - горячо заверил он.

Господи, да он бы поклялся чем угодно, только чтобы она поверила.

-Хорошо, - покорно согласилась она. - Я поеду... Проводи меня...

Сдерживая вздох облегчения, он повел ее вниз, где уже стояла машина, которая доставит пленных до ближайшего КПП американцев...

Эпилог

С высоты седьмого этажа, через окно с выбитой рамой он с удовлетворением следил за тем, как отъехала от отеля последняя машина «сервиса».

На автостоянке дымно чадили два сожженных танка, пара полицейских автобусов и несколько «джипов»...

Зияли черными провалами шахты взорванных лифтов, по которым спецназ пытался подняться наверх. Кучки изуродованных тел лежат в коридорах и у дверей номеров, там, где ребята Фалиха щедро расставляли свои «музыкальные сюрпризы». В некоторых местах и сейчас еще поблескивала проволока, растянутая через коридор. Значит, ни американцы, ни полицейские сюда так и не добрались...

Он насторожился и щелкнул предохранителем - за спиной послышались легкие шаги, приглушенные мягким ковролином.

Он уже собрался, отпрыгнув в сторону, навскидку прошить очередь неизвестного, но две руки нежно обняли его сзади. Это была она. Опять она...

-Вам чего? - грубо спросил он, отводя ее руки.

-Это ты... - она улыбалась счастливо и загадочно. - А я тебя сразу не узнала... Что у тебя с лицом?

-Вы о чем? - он рывком освободился и поставил автомат на предохранитель.

-Это же ты... Ты...

-Почему вы не уехали со всеми? - сурово спросил он. - Все ваши...

-Прекрати! - очевидно по старой привычке потребовала она, и в голосе ее зазвучали знакомые приказные нотки. Она, видимо, все еще считала неограниченной свою власть над ним.

-У меня нет времени, - сказал он, прислушиваясь - где-то невдалеке слышалось стрекотание приближающихся вертолетов. - Советую вам немедленно отправляться домой, сейчас это здание превратят в развалины...

Он отстранился и быстро пошел по коридору - внизу его ждали трое ребят - подрывников. Потом остановился. Обернулся. И повторил мягко:

-Иди домой, я очень тебя прошу...

И ушел.

Продолжение следует...

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>